

18+

МАГІСТРИЧЕСКИЙ НАЛЕЙДОСКОП

ІА, ШУБ-НИТ Т УРАТ!

ТОМ II

Александр Лещенко

**Фантастический калейдоскоп:
Йа, Шуб-Ниггурат! Том II**

«Издательские решения»

Лещенко А.

Фантастический калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том II /
А. Лещенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-623742-1

Из-под пера Говарда Лавкрафта появилось множество самых разнообразных чудовищ. Но больше всего впечатляют боги-монстры. Ктулху. Дагон. Йог-Сотот. Шуб-Ниггурат. И другие. В двух томах этой антологии владычествует Шуб-Ниггурат — Чёрная Коза Лесов с Легионом Младых. Кроме того, здесь можно последить за тайными сектами и кровожадными культурами; посетить мрачные особняки; совершить экскурсии в маленькие деревеньки и городки, чьи жители скрывают страшные тайны. Неведомое ждёт... Йа, Шуб-Ниггурат!

ISBN 978-5-00-623742-1

© Лещенко А.
© Издательские решения

Содержание

Ужасный жребий	7
Семь чёрных кошек	13
Ид ерв	17
Во славу Древних	26
Запах из соседнего номера	28
Тётушка	41
Сияние	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Фантастический калейдоскоп: Йа, Шуб-Ниггурат! Том II

Авторы: Лещенко Александр, Вербицкий Вадим, Вербовая Ольга, Волохович Андрей, Рязанцев Павел, Зырянова Александра, Скорпио Андрей, Ремельгас Светлана, Романов Станислав, Рэйвен Анна, Акбаа Георгий, Кабир Максим, Свидельский Кирилл, Румянцева Марина, Каминский Андрей, Равина Дарья, Громов Вадим, Новгородская Ирина, Гогачев Гог, Юрова Евгения, Руан Маргарет, Калугина Елена, Лукьянченко Даниил, Цуркан Валерий, Волков Влад, Лоренц Алекс, Саймоназари Юлия

Редактор-составитель Александр Лещенко

Иллюстратор Ольга Краплак

Дизайнеры обложки Ольга Краплак, Александр Лещенко

Вёрстка Александр Лещенко

- © Александр Лещенко, 2024
- © Вадим Вербицкий, 2024
- © Ольга Вербовая, 2024
- © Андрей Волохович, 2024
- © Павел Рязанцев, 2024
- © Александра Зырянова, 2024
- © Андрей Скорпио, 2024
- © Светлана Ремельгас, 2024
- © Станислав Романов, 2024
- © Анна Рэйвен, 2024
- © Георгий Акбаа, 2024
- © Максим Кабир, 2024
- © Кирилл Свидельский, 2024
- © Марина Румянцева, 2024
- © Андрей Каминский, 2024
- © Дарья Равина, 2024
- © Вадим Громов, 2024
- © Ирина Новгородская, 2024
- © Гог Гогачев, 2024
- © Евгения Юрова, 2024
- © Маргарет Руан, 2024
- © Елена Калугина, 2024
- © Даниил Лукьянченко, 2024
- © Валерий Цуркан, 2024
- © Влад Волков, 2024
- © Алекс Лоренц, 2024
- © Юлия Саймоназари, 2024
- © Ольга Краплак, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0062-3742-1 (т. 2)

ISBN 978-5-0062-3743-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ужасный жребий Вадим Вербицкий

Прошёл уже без малого год, а я всё ещё не способен отделаться от мучительного опасения, что где-то среди толпы, может быть, на шумном рынке или в глухом переулке мне снова повстречается одна из проводниц таинственного поезда. Тогда, вне всяких сомнений, я брошусь бежать, сломя голову, только бы скрыться от этих безжизненных глаз и никогда больше не слышать её нечеловеческий голос.

Несомненно, все эти непрекращающиеся, изводящие меня страхи являются следствиями глубокой психической травмы. Я точно знаю, что дни мои сочтены, и всё, что мне пока остаётся, это находить ложное и непродолжительное успокоение в алкоголе и сильнодействующих успокоительных.

Я расскажу всё, что со мной произошло, вплоть до того момента, когда я очнулся на пустыре, в пятистах километрах от родного города – лежавшим на сырой почве, вдали от железной дороги и к великому сожалению своему, не утратившим подробных воспоминаний об ужасном чёрном поезде и о последних страшных словах той твари из неведомых областей вселенной.

Откуда выехал поезд, и в котором часу он начал своё движение по четвёртой железнодорожной ветке, остаётся для меня загадкой по сей день. Впрочем, я бы ни за что не осмелился сорвать покров с этой ужасной тайны. Мне только известно, что первым пунктом отправления, где ужасный состав из девяти вагонов распахнул свои скрежещущие двери, была станция «Восточная», первая остановка при въезде в город.

Это было сырое холодное утро, в сером небе кружили снежные хлопья, которые таяли ещё в воздухе и оставляли на асфальте мокрые пятна, словно от крупных капель дождя. Ветер гудел в проводах высоковольтных линий, тянувшихся вдоль железнодорожных путей. Над головами ожидавших электричку людей эхом разносилось трескучее карканье ворон. На покореженных, выщербленных шпалах темнели комки бурой глины, а среди них в живописном изобилии валялись куски кабелей и прочий мусор.

Начало рабочей недели ознаменовалось приходом ночных заморозков и первым снегом. Прошли Рождественские святки, и праздничные настроения будто сдуло этим леденящим, промозглым ветром. Люди были мрачны и угрюмы. Разглядывая их по своему обыкновению, я удивлялся, насколько удручающе гармонировали их одинаково хмурые лица и мрачные насупившиеся фигуры с наступившим ненастьем и окружающей серостью, словно станция «Восточная» наполнилась призраками, обречёнными пребывать здесь в вечном ожидании своего поезда.

Меня всегда завораживал вид уходящей вдаль железной дороги, наводящий на представление о пути в пугающую неизвестность. Как будто там, в недостижимо отдалённом месте, где сужается пространство, а время, точно застывшая в полёте капля воды, есть нечто недоступное пониманию человека. В той нулевой точке, где сходятся воедино три оси физического пространства, быть может, существует некий неведомый фактор, непостижимый нумен...

Давая, таким образом, волю воображению, я представлял пульсирующую червоточину, являющуюся чем-то вроде пространственной аномалии, или своего рода окна, сквозь которое можно было бы заглянуть в иной мир. С необыкновенной внутренней дрожью, я думал о том, что могло скрываться от наших глаз за пределами известной действительности. Неизречённое священное «нечто» или же неопикуемый космический ужас, столь любимый Лавкрафтом? В конце концов, я заключил, что едва ли нашёл бы в себе смелость посмотреть за завесу измерений.

Всё ещё пребывая под впечатлением собственных макабрических размышлений, я отошёл от края платформы, потянувшись в сумку за пачкой сигарет, как вдруг услышал протяжный гудок.

Сначала я решил, что это был всего лишь отдалённый шум ветра в проводах, поскольку до прибытия электрички, согласно расписанию, оставалось не менее четверти часа. Но потом я заметил, что звук этот насторожил не только меня.

Большинство людей, которые явились на станцию столь же рано, стали подходить к краю платформы, пытаясь высмотреть приближающуюся электричку. И я в свою очередь опять устремил взгляд в серую бездонную даль железнодорожных путей. Но ни единого признака того, что электричка находилась на том расстоянии, что соответствовало бы сигналу, который к тому времени прозвучал уже совершенно отчетливо, я не обнаружил.

Я посмотрел в противоположном направлении, но и там ничто не свидетельствовало о её приближении.

Какая-то старуха со сморщенным лицом вдруг поднялась со скамьи и демонстративно перекрестилась. Кто-то из толпы над ней посмеялся, а она тем временем судорожно шевелила губами и опять размашисто накладывала на себя крест. Перекрестившись трижды, она вдруг обвела всех испуганным взглядом и скрипучим старушечьим голоском вымолвила:

– Не та электричка! Не вздумайте сесть!

Конечно, слова её никто не принял всерьёз.

«Чокнутая», – подобно остальным, решил я и снова стал выглядывать поезд.

Следующий сигнал прозвучал так громко, будто поезд подъезжал к станции. Задрожала земля. И вместе с тем, стал явственно слышен стук колёс и пронзительный скрип тормозов. Но к всеобщему изумлению, самого состава было всё ещё не видно.

Меж тем старуха что-то непрерывно бубнила. Потом она осенила воздух крестным знаменем, как бы обращая его на стоявший на платформе народ, и поспешно засеменила прочь. Через минуту она исчезла из виду. И теперь я жалею, что не последовал её примеру.

Ошеломлённые люди разводили руками и обменивались испуганными взглядами. Шум подъезжающего состава и дрожь под ногами свидетельствовали о том, что электричка прибыла на станцию, но её всё ещё не было видно.

Именно в тот момент, когда раздался металлический лязг раскрывающихся дверей, на глазах у поражённых очевидцев, словно по щелчку пальцев мага-иллюзиониста, внезапно возник чёрный вагон.

Как выяснилось, он являлся замыкающим в составе, поскольку в следующую секунду, будто насмехаясь над уязвимостью человеческого разума, стали появляться один за другим остальные вагоны – точно такие же, чёрные, как жерло бездны, с красными, наполовину стёртыми надписями на корпусах.

Очевидно, между словами «Креатон» и «Меларум» недоставало нескольких букв.

Странное зеленоватое свечение выплеснулось из открытых дверей, но к своему сугубому удивлению, я вдруг понял, что вагон не отражается на влажной поверхности платформы. Окна были сильно затемнены, и свет сквозь них почти не проступал.

И из этой бледно-зелёной дымки выплыл, будто призрачный фантом, стройный женский силуэт.

С первого же мгновения, когда я увидел его, меня посетило какое-то неясное волнение. Это определённо была женщина... здесь я затрудняюсь описать это странное и непонятное для меня чувство или какое-то смутное сомнение, сопровождаемое страхом, появившимся, когда я взгляделся в белое лицо проводницы.

Несмотря на тонкую талию и впечатляющую стройность фигуры, лицо девушки, обрамлённое прядями длинных чёрных волос, напоминало лицо трупа, и от взгляда её блеклых, как будто невидящих глаз, меня пробрало ледяным холодом.

Девушка разлепила свои серые губы, и мне показалось, что это далось ей с трудом. Затем она вымолвила что-то, чего я не разобрал, вымолвила таким голосом, глубина и тембр которого только укрепили моё подозрение в том, что она представляла собой ходячий труп.

Люди застыли в каком-то нелепом оцепенении, и страх на их лицах был очевиден. Я обратил внимание на то, что в проёме каждого вагона появилась проводница подобной наружности, стройная, с красивыми чертами на бледном с впалыми щеками лице и серыми онемевшими губами, которые не желали двигаться, чтобы обращение её звучало достаточно внятно.

Тем временем люди стали подтягиваться к краю платформы, толпясь у раздвижных дверей. И так на протяжении всей станции, мужчины и женщины словно посходили с ума, ожесточённо толкаясь, чтобы попасть в поезд.

Сказать, что внезапная перемена, произошедшая в настроении толпы, поразила меня, значит не сказать ничего. Я был просто ошеломлён, и тревожная настороженность моя мгновенно переросла в глубочайший шок. Недоверие моё возросло безмерно, и я понемногу стал отходить, осторожно пятясь короткими шагами.

Вероятно, какое-то гипнотическое внушение заставило их потерять здравый смысл и утратить всякую человечность, поскольку первоначальный внезапный ажиотаж мало-помалу перерос в настоящий хаос. Только что они обменивались оскорблениями и раздраженно кричали, щедро раздавая пинки и пихаясь локтями, как вдруг стали набрасываться друг на друга с какой-то слепой животной яростью, кусаясь и рыча, точно безумные зомби.

Напуганный происходящим, я засеменял увереннее, но зачем-то оглянулся и поймал на себе пристальный взгляд проводницы – и в страхе вздрогнул.

Её окоченелый рот искривила злобная улыбка, сквозь которую проглядывали острые тёмно-серые зубы. Мне снова показалось, что это простое действие далось существу с большим трудом. В ту секунду я вспомнил старуху, что удалилась со станции, прежде чем началось это безумие. Я перебрал лямку своей дорожной сумки через голову и уже набрался решимости бежать, что было мочи, прочь от этого страшного поезда. Но то, что случилось в следующий миг, заставило меня застыть на месте, позабыв обо всём на свете.

В третьем окне слева от входа, отодвинув край матерчатой занавеси, показалось нечто, от одного омерзительного и невероятного вида которого, я ощутил слабость в ногах и тошноту.

С огромной конической головы на меня таранились тусклые рыбы глаза, смотрели они немигающим матовым взглядом. Голова сужалась книзу и была обрамлена множеством коротких извивающихся хоботков, с маленькими зубастыми ртами на конце каждого из них. Когда я рассмотрел эти жуткие детали через оконное стекло, безрассудный страх лишил меня последних сил.

Видимо, пребывая в глубоком обмороке, я видел нездоровый сон или галлюцинации, вызванные психическим потрясением. Иначе, как ещё охарактеризовать ту череду странных видений, которая проносилась перед взором, всё глубже погружая меня в тёмные пучины неопишемого ужаса?

На протяжении видения меня сопровождал странный прерывистый звук, напомнивший мне ритмичное постукивание метронома.

Мой ум не утратил ясность, и картины, предстающие предо мной, казались потрясающе реальными. Их характер был неимоверно пугающим и временами почти невыносимым.

Я обнаружил себя на маленьком островке света, источником которого был обыкновенный уличный фонарь. Под ногами моими бледнел клочок покрытого оспинами асфальта, его края резко заканчивались там, где чёрной стеной стояла непроницаемая тьма.

Чувство страха боролось во мне с внезапно возникшим любопытством, и я протянул руку, чтобы коснуться этой плотной черноты, как вдруг увидел слабые блики микроскопических огоньков, появившихся повсюду в одно мгновение. Бесчисленным множеством они рас-

сыпались вокруг, но их холодный мерцающий свет был неспособен рассеять этот незыблемый стигийский мрак.

Мириады звёзд словно наблюдали за мной из безмерной космической пустоты.

Загадочный гипнотический стук, упомянутый мной ранее, был непрерывен, однако с появлением звёзд, высыпавших на чёрном полотне мрака, появился далёкий беспорядочный грохот, идущий откуда-то из космических глубин. По мере его приближения, свет фонаря заметно тускнел, пока, наконец, он не погас совсем, оставив меня в кромешной темноте.

Итак, я, словно заключённый в объятия абсолютного небытия, стал ожидать появления чего-то непомерно ужасного, мчащегося с чудовищной скоростью сквозь безымянный космос.

Только благодаря тому, что звёзды вдруг меркли и вновь загорались, мне удалось заметить приближение огромного продолговатого объекта. Через несколько коротких мгновений он остановился на некотором расстоянии от того места, где посреди бесконечности располагался мой нелепый эфемерный островок.

С металлическим скрежетом и тем характерным звуком, который можно было принять за распределение воздуха в тормозной системе поезда, объект прекратил своё движение.

Теперь, рассмотрев его вблизи, у меня не осталось сомнений в том, что это был поезд. На корпусе его вагонов выделялись крупными красными буквами уже знакомые мне маркировки, только теперь надписи имели завидную чёткость и гласили:

«Креатон-Сотот-Меларум».

Возможно, следующий эпизод моих видений способен превзойти даже самую бредовую фантазию сумасшедшего.

Двери вагонов разошлись. Жуткое фосфоресцирующее создание выскользнуло из прямоугольного проёма, направляя перед собой свои тонкие шевелящиеся усики-антенны, словно гигантская креветка с круглой белёсой головой. Когда существо полностью оказалось снаружи, из его отвислого брюха вывалилось несколько пар конечностей, которые мгновенно принялись ошупывать под собой пустое пространство, делая это быстрыми рывками.

Вслед за кошмарным пассажиром показалась паукообразная тварь вдвое меньше его размером, однако же и вдвое его безобразнее. Раздутый тёмный овал с шестью лапами, освещённый холодным тусклым светом звёзд, нырнул в бездну космоса и исчез из виду.

Моё внимание привлекло движение на другом конце вагона. После выхода трёх ящерицидных чудовищ, которые расправили свои необъятные переливчатые крылья, показалась человеческая фигура. По крайней мере, это могла быть фигура гуманоидного существа, облачённого в тёмно-зелёные одежды. На месте, где должно было быть лицо, у него находился отвратительный нарост в виде конуса, переходящий в длинный изгибающийся хобот или щупальце, увенчанное светящейся жёлтой сферой, которая являлась глазом.

Множество и других, не менее ужасных существ, внешний вид которых не представится даже в горячечном бреду сумасшедшего, покинуло тот чёрный, едва различимый на фоне космической тьмы, поезд. Но к тому моменту, когда из окна последнего в составе вагона протиснулось нечто, напоминающее длинного бесцветного слизня, покрытого множеством жёлтых глаз и зубастых ртов, мой разум уже бился в конвульсиях безрассудного ужаса.

С истошным криком я вырвался из омота кошмарного сюрреализма. И первое, что я различил при пробуждении, было ритмичное убаюкивающее постукивание. Когда я понял природу этого звука, что непрерывно слышался мне во сне, от которого я только что освободился, то едва сдержал себя, чтобы не закричать снова. Поскольку, сбежав от ужаса видений, я очутился в кошмаре наяву.

Стук колес и мелькающие за окном угрюмые поля, припорошенные грязным сероватым снегом, заставили меня усомниться в том, что я действительно проснулся. Напротив меня с абсолютно отсутствующим видом сидели двое молодых мужчин, которых я сразу узнал, поскольку они принадлежали к числу несчастных, кто ждал поезда на станции.

Темноволосый широкоплечий парень в светлом плаще отупело пялился в пол, одна его щека была расцарапана, на нижней губе запеклась кровь. А тот, что располагался на краю сидения, то есть ближе к проходу, отрешённо смотрел в окно; левый рукав его пальто был почти оторван, волосы и лицо выпачканы грязью, а одна бровь рассечена.

Я не помнил, чтобы по своей воле входил в поезд. Но то, что открылось моему взгляду за мгновение до потери сознания (определение это не совсем верное – я вполне осознанно наблюдал те ужасные картины), мне не забыть никогда. Так что, в смятении и страхе я спрашивал себя, как сюда попал.

Лёгкое покалывание в кончиках пальцев и холодок, идущий вдоль позвоночника, а также учащённое биение сердца уже окончательно уверили меня в том, что я не спал.

Я размял затёкшую шею и опасливо осмотрелся.

Плацкарт был по большей части пуст. Немногочисленные пассажиры, напоминавшие безвольных кукол с пустыми стеклянными глазами, имели отвратительный бледно-зелёный оттенок кожи. Как я понял, такой эффект создавался из-за света ламп, разливавшегося по салону – это было похоже на повсеместную взвесь ядовитых грибковых спор. Моё раннее сравнение с зомби казалось справедливым, но всё же я понимал, что все эти пострадавшие пассажиры, угодившие в эту странную и загадочную историю, оказались жертвами какого-то коварного внушения.

Их сторбленные неподвижные фигуры покачивались в такт движения поезда. Доносился приглушённый стук колёс, и на стёкла, казалось, давила внешняя темнота.

Меня охватила крупная дрожь, когда за окнами замелькали белые и синие звёзды. Нет, это не были огни города или другие источники электрического света. Но эти звёзды из неведомых миров, живые и бдительные, они будто наблюдали за тем, чтобы поезд неуклонно следовал своей цели. Это объяснение дала мне интуиция, и у меня не было оснований ей не верить.

Возможно, минуты две назад я ещё видел что-то напоминающее окраины города с их неказистыми домиками, с крышами из замшелого серого шифера, самые обычные виды, однообразные и знакомые. Когда же я покончил с осмотром салона и перестал разглядывать присутствующих странно нахохлившихся пассажиров плацкарта, то вновь обратил взгляд в окно. И уже ничего, что в моём представлении могло вписаться в рамки привычного, я там не обнаружил.

И сколько бы я не вглядывался в темнеющий сумрак снаружи, никак не мог различить в нём знакомый загородный пейзаж из унылых грунтовых дорог и испещрённых рытвинами тропок, голых полей и щербатых полесев; не представлялись вниманию моему и высоковольтные вышки и столбы, и тёмное небо, казалось, таило теперь в себе что-то новое, чуждое и нездешнее.

Пока я старался постичь происходящее, появился жёлтый сферический объект, вначале ошибочно принятый мной за луну. Он возник на странном небе после появления красных звёзд, от яркого сияния которых белые и синие их предшественницы померкли и приобрели вид чёрных точек – определено таких же, что наблюдал я в своём кошмарном видении. Я сказал «жёлтый», но цвет его скорее напоминал кровавый отблеск закатного солнца на поверхности тёмных вод. И сфера эта росла, раздуваясь, как пульсирующее жерло, готовое вот-вот извергнуть огненную лаву.

В тот самый миг, когда раздался резкий лязг сомкнувшихся дверей, гигантское солнце, звезда или, быть может, огненный глаз самого сатаны, мгновенно исчез – и всё вокруг, снаружи во внешнем изменившемся мире, и внутри самого поезда, погрузилось в кромешную тьму.

Присутствие проводницы, невидимой в темноте, выдал едва уловимый шелест, раздавшийся рядом в проходе. Задыхаясь от волнения, я вжался в спинку кресла, отказываясь верить всему, что меня окружало – верить в моё физическое присутствие в этом дьявольском поезде

среди невероятных химер, в мелькающие за окном странные звёзды... и красные светящиеся глаза, только что вспыхнувшие надо мной.

Как описать тот отвратительный голос, что издавало это ужасное создание? Возможно, некоторые сравнения, которые могут показаться вам нелепыми и вызывающими скептический смех, помогут мне, автору этих невероятных и химерных строк, в этом нелёгком деле.

Представьте себе деформацию какой-нибудь громадной металлической конструкции, например, моста, переброшенного через реку, и стон, что издаёт он под воздействием высоких температур в то время, когда по нему происходит движение тяжёлого транспорта. А теперь вообразите, как этот металлический звук сливается с пронзительным скрежетом попавшего под пресс автомобиля, и вот этот невыносимый для слуха диссонанс в какой-то мере может быть сравним со звучанием ужасного голоса проводницы.

– Этот маршрут не твой, — вымолвила она с почти нестерпимым металлическим визгом. — На следующей станции ты сойдёшь с поезда. Ты вернёшься в свою обитель, ты будешь медленно умирать... тебя убьёт не Он и не Оно, и Вечный Мрак не наградит тебя блаженным безумием, как всех прочих в этом составе и вне его. Тебя поглотит пучина беспощадного одиночества и отстранённость от всех и всего, что было тебе дорого.

Утратив связующую нить с самой жизнью, ты станешь пленником непостижимых страхов, пока Прародитель ужаса не явится за тобой в своём временном обличии, чтобы отнять у тебя и тебе подобных последнюю тлеющую крупичку света. Всё услышанное тобой запиши, чтобы помнить и ждать в мучительном страхе, ибо Ползучий Хаос питается страхами и отчаянием людей.

Вот, я записал всё, что было со мной, и обращение жрицы Ньярлатхотепа отныне приурочено к этой реальности – нам с тобой известной и привычной. Ты, прочитавший моё послание, которое суть не моё, но самого Ползучего Хаоса, раздели же со мною жребий.

Семь чёрных кошек Ольга Вербовая

Ночной город спал. Придорожные фонари провожали взглядом одиноко шагающую по двору девушку. Марина знала этот район с детства и не боялась ходить вечером одна. Хулиганы и пьянь здесь особо не шастали, сумочек не вырывали.

Он вынырнул из темноты неожиданно – в полицейском мундире, с сильным запахом перегара. Марина его знала – Пётр Филиппов из соседнего дома. Она хотела было пройти мимо, но он преградил ей дорогу.

– Далеко собралась, цыпа? – спросил он, обнимая её.

– Пустите, пожалуйста! Вы пьяный! – запротестовала Марина, пытаясь сбросить его руки со своей талии.

– Не груби старшим, девочка! – пьяно ухмыльнулся Филиппов. – А то найдут у тебя целую сумку марихуаны. Хрен докажешь, что это не твоё!

– Что вам от меня нужно?

– Ну, ты же знаешь! Знаешь!

Руки Филиппова уже не лежали на талии девушки – теперь они бесстыдно шарили по её джинсам в поисках застёжки.

– Пустите! Я буду кричать!

– Давай! Кричи! А я тебе наркоту в карман суну – и в отделение. Сядешь по двести двадцать восьмой. Так что давай раздевайся – и без фокусов...

– Мариш, ну, покушай! Хоть немного!

Ласковый голос матери, запах свежее испечённых блинчиков. Раньше Марина набросилась бы на них и, намазав клубничным вареньем (мама его и сейчас не забыла поставить на стол), уплела бы почти полстопки. Это раньше. А сейчас она искренне не понимала, зачем мать их испекла. Какое отношение эти блинчики имеют к тому, что произошло? Как они теперь могут помочь её горю?

Снова и снова сознание девушки прокручивало кадры произошедшего в тот вечер, который разделил всю её жизнь на до и после. До была настоящая жизнь обычной молодой девушки. Была учёба в институте, мечта стать экономистом, встретить достойного молодого человека, были встречи с друзьями и подружками, вечеринки. А что после? Ничего. Только боль, стыд, грязь. И нет от этого спасения, как нет и выхода. Жизнь сломалась, покатила под откос.

– Ты бы встала, прогулялась. Чего целыми днями на диване лежишь?

Марина не ответила. Если бы мама знала, что с ней случилось! Но она не узнает, как не узнает никто другой. Филиппов ясно сказал, что если она кому-нибудь пикнет, сядет за наркотики.

Мать тем временем включила телевизор, чтобы послушать последние новости. Показывали какой-то несогласованный митинг в центре. Полиция его разгоняет. Вот трое полицейских схватили какого-то парня и ведут в автозак.

Как ошпаренная, девушка вскочила с дивана и принялась иступлённо колотить костяшками пальцев по экрану телевизора, крича:

– Сдохни, тварь! Сдохни! Сдохни!

– Что же он тебе сделал, что ты его так ненавидишь? – спросила мать, с удивлением и испугом таращась на Марину.

Но не задержанному парню предназначались эти слова. Одним из тех, кто его задерживал, был никто иной, как Пётр Филиппов. Депрессия и безнадёга сменилась жгучей, как огонь, ненавистью.

Новости уже закончились, а Марина продолжала повторять, как заклинание, одно лишь слово:

– Сдохни!

«Наказать врага», «отомстить насильнику», «навести порчу» – Интернет выдавал одну ссылку за другой. Порча на смерть по фотографии, которую после наговора зарывают на кладбище... Порча криком в окно, когда, позвав врага со двора, нужно быстрее убежать на то же кладбище и читать заговор... Булавки и восковые куклы... Земля с кладбища под порогом дома врага... Или более современные – порча по телефону на могиле тёзки, порча через компьютерную программу, кодирующая врага на смерть.

Мозг кипел от обилия информации. Если первые ссылки Марина читала с интересом и любопытством, то следующие она уже бегло просматривала, сравнивая с уже знакомыми. Простудировав около сотни способов наведения порчи, она так и не смогла выбрать, какой же использовать.

Ритуал «Семь чёрных кошек».

Хотя девушка порядком устала от обилия способов магическим путём свести врага в могилу, странное название не могло не привлечь её внимания.

«Если враг мешает вам жить, семь чёрных кошек помогут вам избавиться от него раз и навсегда».

Ритуал оказался несложным, равно как и подготовка к его проведению. За три дня нужно купить на птичьем рынке голубя (только не белого!). Это будет кровавая жертва, которую нужно принести кошкам. Также до проведения ритуала нужно сшить балахон из чёрной ткани с прорезями для головы и для рук. В день проведения ритуала ни с кем не разговаривать...

«Отлично!» – подумала девушка, дочитав до конца.

Впервые за неделю она почувствовала себя не раздавленной и униженной жертвой, а человеком, у которого есть силы действовать. Такие подонки недостойны того, чтобы жить! И она избавит мир от этой гниды!

Чёрная ночь давно уже опустилась на спящий город. Где-то внизу свет фонарей вырисовывал фрагменты улиц, домов, дорог со спешащими куда-то автомобилями, которые сверху казались маленькими, словно муравьи.

На крыше девятиэтажного дома стояла девушка с распущенными волосами, одетая в чёрный балахон. В её руке трепыхался, пытаясь вырваться на волю, сизый голубок. Но Марина держала его крепко. Маме так и не удалось узнать, для чего он понадобился. Иначе она бы непременно выпустила птицу из клетки и испортила бы весь ритуал.

Балахон, голубь... Всё есть... Все слова заклинания выучены наизусть... Осталось начертить круг мелом и встать вовнутрь, что Марина тотчас и сделала.

Ветер разносил над городом слова заклинания, которые девушка старалась произнести как можно громче, чтобы семь чёрных кошек её услышали и явились на зов.

Услышали. Вот они по балконам карабкаются на крышу. Первая... вторая... Но останавливаться нельзя, иначе могут разорвать. Вот уже семь пар зелёных глаз глядят из темноты, ожидая жертву.

– Замбара, яви! – закончила Марина.

С этими словами она резким движением свернула голубку шею. Тот дёрнулся в последний раз и затих.

Кошачьи глаза смотрели не мигая. Марина бросила безжизненное птичье тело за круг. Семь чёрных, как сама ночь, кошек тотчас же набросились на него, кромсая острыми зубами нежное мясо и урча от удовольствия. Хороший знак! Теперь осталось три раза назвать имя врага и трижды его проклясть.

Только девушка это сделала, как раздалось дружное мяуканье в семь кошачьих голосов. Это значит, демонические кошки приняли заказ, и враг будет уничтожен. Теперь можно спокойно уходить с крыши, оставив их доедать птицу.

На следующий день по району разнеслась новость: Петра Филиппова нашли мёртвым в собственной квартире. Его тело было настолько изуродовано зубами и когтями неизвестного животного, что на нём буквально не осталось живого места. Собственно, и опознали Филиппова после тщательной экспертизы. По факту его гибели возбудили уголовное дело, но что за животное его убило, и как оно проникло в квартиру на двенадцатом этаже, ответа на эти вопросы эксперты так и не нашли.

Марина была счастлива. Душа её, избавленная от груза стыда и ненависти, пела и порхала. Сама она чувствовала себя бабочкой, пробудившейся от тяжёлого сна с первыми лучами весеннего солнца. Хотелось пуститься в пляс, как в детстве, когда под ёлочкой оказывался подарок, о котором она мечтала.

Пребывая в самом радостном расположении духа, девушка пошла на рынок, купила утку, апельсинов, после заскочила в супермаркет за красным чилийским вином и любимым тортом с суфле и черносливом «От Палыча».

– Ой, Мариш, у нас что, сегодня праздник? – удивилась мать.

– Да, притом большой.

– И какой же?

– Да какая разница?

– И вправду никакой, – согласилась мама, впервые за долгое время увидевшая дочь в прекрасном настроении. – Если ты счастлива, это уже праздник.

Запечённая с апельсинами утка в этот раз была особенно вкусной. Вино источало такой приятный аромат, что казалось божественным нектаром. Торт был сладок, как никогда. А итальянская группа «Рикки и Повери», которую включила Марина, своими бодрыми весёлыми песнями делала атмосферу ещё более праздничной.

Ванна с ароматом персика действовала расслабляюще, и заснула Марина в самом что ни на есть прекрасном расположении духа.

– Просыпайся, просыпайся, сестра Батильда! Иди к нам!

Сотни кошачьих глаз светились в темноте зелёными лампочками.

– Вы ошиблись, – испуганно шептала девушка. – Я не Батильда. Меня зовут Марина.

– Ты была Мариной. Теперь ты Батильда, наша сестра. Просыпайся и иди к нам!

– Нет!

Открыв глаза, Марина вскочила. Остатки сна мигом улетучились.

«Фу! Приснится же такое!»

Но что это? Девушка вдруг обнаружила, что прекрасно видит в темноте, так, словно за окном не тёмная ночь, а ясный солнечный денёк. А звуки, а запахи! Прежде не слышимые и не ощущаемые, они врвались в мозг Марины с неистовой силой.

Неожиданно её взгляд упал на руки... Руки... Не может быть! Вместо них, таких знакомых и привычных, девушка увидела покрытые шерстью чёрные лапы с острыми, выглядывающими из-под подушечек когтями.

«Мама, что это?» – хотела было закричать Марина, однако вместо слов из горла вырвалось испуганное мяуканье.

«Не может быть! Этого просто не может быть!»

Соскочив с кровати, девушка опротясь бросилась в прихожую, заметив, что бежит на четвереньках, и запрыгнула на трюмо. В большом зеркале отразилась кошачья морда со светящимися зелёными глазами. Шерсть с головы до хвоста была чёрной, без единого пятнышка.

«Я стала кошкой! Но как же так?»

«Ты вызывала нас, – услышала она вдруг голос в своей голове. – Ты принесла нам кровавую жертву. Мы расправились с твоим врагом. Теперь ты наша сестра, и имя твоё Батильда – Огненная Битва. Иди к нам!»

«Иди к нам, сестра! Иди к нам!» – вторили в её голове тысячи голосов.

Марина хотела было спросить, куда идти, но в следующую минуту поняла, что в этом нет необходимости. Она и так знает, куда.

Выпрыгнув в открытую форточку, новоиспечённая кошка слезла по балконам на землю и побрела по ночной улице к своим новым братьями и сёстрам – демонам, среди которых ей теперь предстоит жить.

Ид ерв Андрей Волохович

– А ко мне на выставку сегодня заявился Денис Юрич Верховцев, представляешь? Изъявил желание купить «Причастие».

Артём провёл рукой по волосам лежавшей у него на коленях сводной сестры. Между пальцев заструилась угольно-чёрная река.

– Ах да, я же, наверное, не рассказывал о нём. Один из этих, богатых. Олигарх, во. Приватизировал, значит, наш завод. Вообще, процесс ещё идёт, но уже всё решено, остались какие-то мелочи, так что будем теперь работать не на государство, а на одного жирного богача-капиталиста.

Сестра молчала, безучастно глядя в окно.

– Он, поверь, Еване, действительно необъятный, – через силу усмехнулся Артём. – Помнишь, смотрели с тобой «Кавказскую пленницу»? Вылитый Бывалый.

Они посидели в тишине ещё немного. Снаружи погас последний фонарь. На улице валил непрерывным потоком снег, еле слышно посвистывал ветер в невидимых щелях.

– Так вот, – опять нарушил вязкое молчание Артём. – Пришёл я, значит, в ДК, развесил картины, народ ходит, смотрит, всё как в прошлый раз. Лидка, из упаковочного цеха, похвалила «Оленя». Приятно. Не зря, значит, замерзал, пока рисовал его, не зря выписывал пастель из Нарьян-Мара. Жаль, в нашем захолустье её не достать.

А затем подошёл он. Представился. Я даже не сразу понял, что это именно он, но когда-таки дошло, аж затрясло всего. Чего, говорю, желаете, товарищ Верховцев? А он, значит, в ответ: «Не товарищ я тебе уже почти десяток лет, ты что-то совсем от жизни отстал». Вот наглая рожа! – Артём сжал кулаки. – Эх, был бы он простым мужиком, я бы ему вломил... А так я мигом вылечу с завода, и всё, больше некуда податься, только и останется к ненцам прибиться. Рыбу ловить.

Артём усмехнулся своим мыслям, легонько толкнул Еване в плечо:

– Что, примут нас твои родичи? Заодно, может, расскажут, что с тобой сотворили...

– Ид ерв, – ответила она.

– Чёрт, ты опять...

– Ид ерв.

– Еване, не надо.

– Ид ерв!

Девушка вскочила с кровати, подбежала к окну, и, вцепившись ногтями правой руки в край створки, принялась дёргать её в попытках открыть. Обрубок левой при этом бился о стекло, оставляя на нём красные следы. Артём один прыжком пересёк спальню, и крепко обнял сестру, не давая ей пораниться. Бросил случайный взгляд на улицу... И вздрогнул. Под окном стоял человек. Свет из окон первого этажа окрашивал охрой стоящего на улице приземистого и широкого старика в тёмной малице и меховой шапке. Он смотрел прямо на Артёма и улыбался.

Воспользовавшись заминкой, Еване врезала ему локтем под дых, вывернулась из захвата и побежала прочь, однако тут же, запнувшись о собственную ногу, упала и захныкала. Артём подхватил лёгкое тело на руки и перенёс на диван.

– Ну-ну, тише, что ты опять начинаешь, – шептал он ласково. – Только посмотри на себя, теперь вся зарёванная, и шов опять кровоточит. Сейчас я перебинтую твою культю и отдыхай. А я пойду, посижу немного с бутылкой, отмечу, значит, первый успех. Хотя, честно говоря, теперь отмечать не слишком хочется.

Еване тихонько всхлипывала в ответ, узкие глаза смотрели жалобно и печально. Проходя мимо окна, Артём не удержался и глянул на улицу. На первом этаже погасили свет, и теперь казалось, будто вся вселенная состоит из кружащегося, серого в темноте, снега. И в этой вселенной нет никаких улыбающихся стариков-ненцев из рыбацкого поселения.

Он оторвался от бутылки, после полуночи, когда даже ветер, словно устав гонять по улицам снежные барханы, перестал насвистывать заводные мелодии под козырьком окна. Провёл мутным взглядом по кухне.

Алкоголь выделил неприглядные детали, выставил напоказ пожелтевшие драные обои, сквозь прорехи в которых виднелся растрескавшийся мёрзлый бетон. Старая плита, краска облупилась, превратилась в изрезанное засухой пустынное плато. Можно, конечно, подкрасить, но куда денется ржавчина, господствующая под её поверхностью? А новую где достать? За огромные деньги заказывать из Нарьян-Мар – ближайшего крупного города, расположенного сотней километров западнее.

Ради чего вообще приходиться каждый день на этот хренов завод и по десять часов разделывать рыбу, если платят копейки, да и те некуда тратить?

Нет, понял Артём, хватит. Так дальше продолжаться не может, это не жизнь. Нужно что-то делать, как-то выбираться отсюда, из этой дыры, болота, где нет ничего, кроме снега и рыбы. И картины могли бы стать отличным подспорьем для новой жизни.

Он взял «Причастие», поставил перед собой на стул. Простейшая грубая рамка, дерьмовый, но купленный в тридорога холст, немного потрескавшаяся в одном углу краска. Но всё это было неважно. От картины веяло неудержимой силой. Там, на плохоньком холсте поднималось из озера... Нечто.

Нечто настолько объёмное и живое, что, казалось, руку протяни – и коснёшься блестящей сапфировой кожи, розоватой присоски на осклизлом щупальце, выпуклого круглого глаза с двумя зрачками. Контрастом озёрному идолу служили обезличенные схематичные фигурки коленопреклонённых людей в одинаковых серых робах. Многие ряды фанатиков выстроились на берегу пенящегося озера, наблюдая явление своего божества.

Верховцев, конечно, прав, написано мастерски, тут Артём был абсолютно согласен. Смущало лишь одно: он совершенно не помнил, как нарисовал эту вещь. Картина словно появилась однажды утром сама собой. Впрочем, это не было веской причиной, чтобы отказываться от открывшихся возможностей.

Кивнув своим мыслям, он кое-как встал из-за стола. Пошатываясь, отирая плечом стену, чтобы не упасть, поплёлся в свою комнату. Проходя мимо спальни сестры, не удержался и заглянул в приоткрытую дверь. Еване лежала лицом к стене и дышала размеренно и глубоко. Перебинтованная культия была вытянута вдоль тела белёсым червём, слишком коротким, чтобы кто-нибудь мог спутать его с полноценной рукой. Артём зажмурился, на глазах выступили слёзы.

– Я найду эту мразь, – прошептал он, сжав кулаки. – Непременно найду.

Художник спал. Но сон его был неспокоен. Тяжелое, прерывистое дыхание служило аккомпанементом странному танцу, исполняемому, словно находящимся в руках кукловода, телом. Руки и ноги дёргались резко и беспорядочно. Пальцы царапали грудь, пытаясь выпустить что-то находящееся внутри. Веки трепетали крыльями бабочек.

С раскрытых губ сорвался протяжный, наполненный болью, стон, и тело художника поднялось с кровати. Оно подошло к окну, туда, где треногим идиолом высился мольберт с уже готовой бумагой. Осторожным и плавным движением пальцы обняли кисть. Другая рука доставала краски. Мелькнувшая в рваной дыре посреди тяжёлых чёрных туч луна осветила на мгновение тёмную комнату, посеребрила лицо художника, чьи глаза были закрыты, а руки с поразительной лёгкостью сновали по мольберту, творя новый шедевр.

За кружевными занавесками агонизировал ноябрь, рассыпался очередной вьюгой, хотя ещё утром небо было ясным. В кабинете же стояла жара, Артём явственно ощущал, как она давит на виски, перемешивает мысли, кипит мозги, превращая содержимое головы в дымящую кашу, неспособную к размышлениям. Ёрзая на чудовищно неудобном стуле, он терпеливо ждал, пока, ежеминутно вытирающий сырой от пота лоб, лейтенант соизволит обратить на него внимание.

Среди волнообразных завалов папок и бумаг, в углу массивного, под стать хозяину, стола примостилась скромная табличка с надписью: «Участковый инспектор милиции, Анискин В. И.».

– Сейчас-сейчас, – пробормотал Анискин, заполняя какую-то форму. – Ещё немного, и я займусь вами, гражданин...

– Сычѐв.

– Да, верно, помню ваше заявление. Но, честно сказать, порадовать нечем. Расследование, конечно, ведѐм, но подозреваемых пока не имеется.

– Как это не имеется, – выдохнул Артём. – Вы чем вообще занимались почти три недели?

Участковый оторвался от бумаг, глубоко вздохнул и снова вытер лоб тыльной стороной ладони. Потянулся до хруста в спине, выдернул из розетки шнур от обогревателя. Тряхнув короткой, но густой бородой, уставился на Артёма тяжёлым взглядом из-под кустистых бровей.

– Слушай, парень, давай начистоту, я понятия не имею, кто мог покалечить твою сестру. Городок маленький, никаких маньяков тут не имеется точно. Если, как ты говоришь, сама она не пила и не имела любящих выпить друзей, то зацепок у нас никаких. То есть, совсем. Не мог же случайный человек с улицы сотворить такое без каких-либо причин. Сам подумай.

Ярость захлестнула мгновенно, огромной удушливой волной. Артём вскочил, ударил по столу, одним движением смёл на пол стопку бумаг. Голос сорвался на крик.

– Это всё? Моей сестре оторвали руку! Она видела что-то настолько жуткое, что тронулась умом! Почему вам плевать? Она постоянно бормочет про какого-то Ид ерва, кто или что это такое? Выяснили? Это ваша работа! Никаких, сука, подозреваемых и зацепок? Да у вас под боком целое стойбище этих подозреваемых живѐт!

Лицо Анискина побагровело. Сжались огромные кулаки, хрустнул в руке карандаш, но участковый сдержался и продолжал говорить показательно спокойным тоном.

– Ненцы? С чего бы мне их подозревать? Они – миролюбивый народ. Насколько я знаю, Ид ерв у них – нечто вроде духа хранителя, озѐрный повелитель, но это ничего не даёт.

– Не даёт? Да у них же все бабы увечные, вам ли не знать! Кто без носа, кто без глаза, ничего не напоминает? Тем более, оказывается, сестра говорила о каком-то ихнем духе. Если вы не видите здесь связи, то в милиции вам делать нечего.

– Ты мне ещё тут поуказывай, щенок, – прорычал Анискин, вставая из-за стола. – Предлагаешь мне всех их арестовать? Заходить в каждый чум, вытаскивать целые семьи – и на скамью подсудимых, отличная мысль. Да, ненцы странные, дикий народ, свои обычаи, но я ни за что не поверю, что они могли сделать это с твоей сестрой, пусть даже она сама из их рода.

– Да послушайте...

– Нет, не стану! Они просто ловят рыбу. Поставляют её на завод. Всё. А твою сестру медведь подрал, вот официальная версия следствия. Теперь выметайся отсюда, пока сам в обезьяннике не оказался, за хулиганство и вандализм.

Снизу дома казались маленькими серо-чёрными коробками, хотя до них было рукой подать – достаточно подняться на холм, и снова окажешься в городе. Здесь, у подножья, ветер с каким-то особенным наслаждением вздымал клубы снега, кружился в безумной пляске, образующая миниатюрные вихри, то вдруг затихал, позволяя увидеть искрящуюся тундру с её редкими скелетами деревьев на многие сотни метров вперёд.

Холод проник своими цепкими пальцами даже под тёплую ушанку, заставив Артёма поёжиться и перевязать тесёмки, прижав наушники поплотнее к ушам. Да, определённо становилось прохладнее, скоро придётся заменить перчатки на столь нелюбимые варежки, а место удобных ботинок на ногах займут валенки. Пропустив очередной резкий порыв ветра, Артём чертыхнулся, подтянул опоясывающий полушубок ремень и продолжил двигаться к казавшимся нелепыми кочками посреди бескрайней снежной пустыни чумам.

Возле неспешно гниющих пустых деревянных бараков, куда советское руководство хотело переселить ненцев, он остановился, прижался к стене одного из них. Выглянул из-за угла, осторожно, как заправский шпион.

Ближайшие чумы, внешне очень похожие на индейские вигвамы, находились всего в паре десятков метров от бараков, но Артём был уверен в безопасности своего временного укрытия – ненцы почти никогда не покидали своё стойбище без особой нужды. Алкоголь ещё властвовал над разумом, раздувал тлеющий огонёк неприязни и подозрений в настоящее пламя. Полупустая бутылка с огненной водой оттягивала карман.

Где-то вдалеке заухала сова, и её тревожный крик будто послужил сигналом. Встряхнувшись, Артём сбросил задумчивое оцепенение, оторвался от стены барака и уверенно зашагал вперёд.

В поселении было удивительно тихо и безлюдно. Россыпь небольших остроконечных чумов, окружавших три объёмных, метров десять в диаметре, купола казалась безжизненной, словно какой-то великан налепил куличиков из снега, воткнул туда прутья и ушёл, оставив своё творение на милость ветров. Сбившиеся в кучу ездовые олени спали, изредка всхрапывая во сне. На другом конце стойбища слышался детский смех, но и тот сразу же стих.

Скорее всего, мужчины были на охоте или рыбалке, как и подходящего возраста подростки. Это значительно облегчало дело. Артём перелез через нарты, выставленные вокруг поселения на манер ограды и, осторожно отогнув у ближайшего чума нюки – олени шкуры, служившие как стенами, так и дверьми, заглянул внутрь. Пустая люлька, обшитая шкурами, кухонная утварь, тлеющий очаг возле вертикального центрального шеста, выполнявшего, очевидно, функцию несущей балки. И ни одного человека. Несколько следующих жилищ также оказались пусты.

Удача улыбнулась ему спустя пару минут. Из ещё непроверенного чума вышла пожилая женщина с розоватым кровоточащим шматом мяса в руках. Цветастый пояс колыхался на ветру, словно был сделан из бумаги. Услышав скрип шагов по снегу, она повернулась к Артёму, и он скривился от отвращения: у ненки отсутствовала часть нижней губы, сквозь прорехи виднелись розоватые после недавней трапезы зубы, а левую щёку обвивали убегающие вниз, на шею и под ворот расшитой узорами ягушки, уродливые черви шрамов.

Поняв, что незванный гость не собирается уходить, она что-то вопросительно прошамкала, между зубами скользнул рваный, словно кленовый лист, язык.

Подойдя вплотную, Артём навис над коренастой женщиной и угрожающе прошипел:

– Кто и зачем изувечил Еване? Отвечай!

– Не, не, рушский, не, – ненка замотала головой, тихо звенели пришитые к шапке резные монеты.

Резким ударом он выбил из её рук мясо, окрасившее при падении ближайший сугроб оттенками розового. Схватил женщину за ворот, затащил её в чум, не обращая внимания на сопротивление и жалобные выкрики.

Внутри было жарко, от перепада температур на мгновение закружилась голова, и мокрая от растаявшего снега ягушка выскользнула из рук. Ненка попыталась воспользоваться шансом, на четвереньках поползла к выходу, подволакивая ногу, но оправившийся Артём, коротко рыкнув, пнул её в бок. Возмущённо звякнули монеты, шапка слетела с начинающей сесть головы и приземлилась в углу пёстрым меховым свёртком. Артём перевернул хрипящую от боли женщину на бок, оседлал, прижав коленями бордовые от мяса руки.

– Всё вы, с-сука, понимаете. Хитрые твари. Когда удобно, так «русский не-не», а как почувете наживу, сразу «да-да».

Кое-как стянув перчатку, он залепил ненке пощёчину. Взвизгнув, она дёрнулась, сплюнула кровью на дощатый пол. По изуродованной щеке потекла мутная слеза. Узкие глаза округлились от страха.

– Ещё раз, тварь, – прорычал ей в лицо Артём. – Моя сестра. Еване. Кто с ней это сделал и зачем?

– Еване... Еване отдалась Ид ерв. Ид ерв принял её. Выполнил желание...

– Где обитает этот Ид ерв? Где его найти? Даже не думай врать – убью!

Он замахнулся снова, теперь уже кулаком. Однако ненка, открывшая было рот, вдруг закусила окровавленную губу и уставилась куда-то через плечо Артёма. А потом сильные руки обхватили его поперёк туловища, подняли в воздух, швырнули на доски.

От падения перехватило дыхание. Тело выгнулось, приподнялось на локтях, пальцы заскребли по полу. В поле зрения показались две коренастые широкие фигуры, укутанные в олени шкуры.

– Идите... Сюда. Твари, – прохрипел Артём, сжимая кулаки, но сильный удар по голове прервал готовящуюся тираду.

Следующий удар пришёлся в живот. Третий он уже не почувствовал.

– Ты прости молодых, – бормотал старик, протирая лоб Артёма мокрой прохладной тряпкой. – Не рассчитали силы. Горячая кровь. Хоть и холодное время.

Лёжа на дощатом полу чума, Артём бессмысленно смотрел вверх, на сотканный из шкур, словно из лоскутов, купол, изредка переводя взгляд на казавшегося знакомым старика. Как и у многих других, его лицо было загорелым от мороза, морщинистым, но каким-то неуловимо добрым, расслабленным, в отличие от вечно сосредоточенных соплеменников.

– Но и ты дурак. Зачем полез? Ещё и пьян. Мог бы спросить у меня. Всё бы рассказал, как есть. Думал сам зайти, да не решился.

– погоди, – прохрипел Артём. Каждое слово провоцировало вспышку боли в затылке. – Так это ты под окнами стоял позавчера ночью?

Старик кивнул, отжимая тряпку в наполненную водой посудину.

– Надо беречь Еване. Она много просила и много дала. Ид ерв был доволен. Но для неё это оказалось чересчур. Не выдержала.

С трудом приподнявшись, Артём схватил старика за рукав и притянул к себе. Узкие разноцветные глаза остались спокойны.

– Что с Еване? Кто такой Ид ерв? Что вообще происходит? – шёпот переходил в крик и обратно.

Ненец покачал головой.

– Нет времени. Слишком долго объяснять. Лучше поймёшь сам.

Он вырвался из слабых пальцев Артёма, взял его за грудки и одним движением поставил на ноги. Положил ему на плечи свои тяжёлые ладони, встряхнул, приводя в чувство.

– Идти можешь?

Прислушавшись к ощущениям, Артём вяло кивнул.

– Тогда иди на озеро. К утёсу. Там всё узнаешь. Торопись, уже почти началось.

Ветер норовил толкнуть в бок, в грудь, в спину. Жестокими злыми порывами сбить с ног, повалить в снег и не давать подняться. Щёки и голые пальцы – перчатки остались в чуме – горели, словно на них пролился кипяток. Изредка ветер забирался под капюшон и принимался свистеть и выть, громко, тоскливо, и от этого хотелось завывать самому, упасть на колени, проклиная бескрайнюю молочную тундру, давящую своими размерами, заставляющую чувствовать себя единственным человеком на земле.

Темнело. В оставшемся позади стойбище ненцев спали олени. Запорошенные остроко-нечники чумов искрились, как новогодние гирлянды. В городе закончилась смена «Рыбпром-сева», и люди, должно быть, уже расходились по домам, шагали по единственной улице, обсуждая... Скорее всего, ничего не обсуждая, спешили в квартиры, в тепло – отдохнуть от тяжёлого дня, чтобы завтра с новыми силами начать очередной, в точности такой же. Тусклое, как лампочки в цехах, солнце готовилось быть поглощённым частоколом деревьев на горизонте.

Неожиданный порыв ветра царапнул лицо, высек из левого глаза слезу, неспешно пока-тившуюся вниз по щеке каплей раскалённой лавы.

Шатаясь, то и дело припадая на одно колено, Артём медленно продвигался к цели. Уже виднелось впереди множество движущихся фигурок, маленьких и жалких, словно мас-совка «Причастия». Одна из фигурок стояла на вершине бугристого, уродливого, сужающегося к основанию, утёса, остальные же выстраивались в шеренгу у самой кромки воды.

Озеро казалось большим, неровным по краям зеркалом. Для него будто не существовало ни снега, ни бушующего ветра – поверхность воды была идеально гладкой. В озере отражалось небо. Гораздо темнее, чем настоящее, почти чёрное, какое бывает глубокой ночью. В озере отражалось солнце. Белый, чуть сплюснутый круг – он колыхался и рябил, едва заметно меняя очертания и цвет. В озере отражались звёзды. Созвездия, не существовавшие прежде, не отме-ченные ни на одной астрономической карте...

Озеро манило. Приглашало разгадать какую-то тайну. Артёму пришлось закрыться капю-шоном словно шорами, чтобы не видеть чёрную непрозрачную воду, не ощущать тянущего чувства в животе, побуждающего окунуться туда и больше никогда не выходить на берег.

Обойдя по широкой дуге скопление опустившихся на колени ненцев, Артём спрятался за снежным барханом по другую сторону утёса так, чтобы оставаться незамеченным для осталь-ных, но самому видеть всё. На каменистой вершине утёса, в трёх метрах над уровнем воды, на самом краю стояла ненка, и, когда она переминалась с ноги на ногу, из-под подошв её пимов летели вниз мелкие камушки. Падали в воду и будто растворялись в ней, не оставляя после себя ряби или кругов.

Ждать пришлось недолго. Выстроившееся вдоль берега племя затянуло не то песню, не то молитву на одной низкой грудной ноте. В это время женщина на утёсе не спеша разулась, отставила пимы в сторону, а затем одним движением скинула ягушку, оставшись полностью обнажённой. Пышная, высокая, полногрудая, с развевающимися на ветру длинными распу-

щенными волосами и приятным молодым лицом, она неизменно притягивала взгляд, как бы Артём не пытался сосредоточиться на чём-нибудь другом.

После того, как соплеменники замолчали, женщина выкрикнула несколько непонятных слов и, взяв заранее приготовленный нож, быстро полоснула им по ладони.

– Твою мать! – выдохнул Артём, и тут же закусил губу, надеясь, что никто этого не услышал.

Ненка вытянула руку над озером, и алые капли сорвались с растопыренных пальцев.

Вода в месте их падения пошла рябью, забурлила, вспучилась горбом, непроглядным и чёрным, как космос. Этот горб рос, высился, словно вода перестала быть жидкой – превратилась в расплавленное стекло, которое теперь осторожно формировал опытный стеклодув. Достигнув высоты третьего этажа, волна качнулась назад, беря разгон, а затем обрушилась на дрогнувший от такого напора утёс.

Когда вода схлынула, разбросав вокруг чёрные капли, плавающие снег и лёд до самой промёрзшей земли, людей на утёсе стало двое. Одним из них являлась совершенно невредимая ненка, что, опустившись на колени и прижав руки к груди, тараторила какие-то заговоры. А перед ней стояла хрупкая светловолосая девушка в белом одеянии. Тонкие пальцы её усыпали перстни, а черты лица были столь прекрасны, что их хотелось разглядывать бесконечно, забыв о своей миссии, о Еване, о еде и питье, о воздухе для дыхания – обо всём на свете, лишь бы наслаждаться созерцанием абсолютного совершенства как можно дольше...

Но вот она пошевелилась, и наваждение исчезло. Тени, полутени ложились на щёки как попало, складки одежд казались неестественными, похожими на мятый картон, повёрнутая на бок голова была почти треугольной – тот, кто сотворил эту голову, явно имел слабые понятия о перспективе. Намётанный глаз Артёма улавливал мельчайшую фальшь раньше, чем мозг успевал её осознать. Пустышка, подделка, реплика. Талантливая зарисовка неопытного художника, выдаваемая за подлинное произведение искусства. Совсем как... все его картины. Кроме последних, написанных в беспамятстве.

Подделка под человека схватила ненку за волосы, дёрнула наверх. Вскрикнув, та подчинилась. Они стояли друг напротив друга – и разница между настоящим живым существом и, пусть искусным, но лишь подобием становилась всё более очевидной – удивляло лишь, почему ненцы не замечали этой неправильности, продолжая поклоняться ей.

Тем временем фальшивка взяла ненку за руку и, растянув на мгновение губы в холодной безжизненной улыбке, распахнула пасть – это была именно пасть, полная коротких острых зубов, разрезавшая снежно-бледное лицо поперёк от уха до уха – и с хриплым воплем вгрызлась в её пальцы.

– Что за херня! – вскрикнул Артём, не заботясь уже о том, что кто-нибудь может услышать.

Это казалось фантазмагорией, кошмаром, настолько неправдоподобным выглядело происходящее. Неужели Еване тоже...

Мысли прервал громкий стон боли. Ненка всхлипывала, баюкая на груди искалеченную руку. Из обрубка безымянного пальца под напором хлестала красная струя. Она попадала на белоснежные одеяния облизывающей перепачканный рот девушки и тут же впитывалась, не оставляя на ткани ни малейших следов.

Слизнув с губ необычайно длинным и тонким языком последнюю каплю крови, фальшивый идол вновь потянулся к женщине. У Артёма перехватило дыхание. Не в силах больше смотреть, он опустил взгляд на озеро.

На озеро, теперь ставшее безупречно прозрачным. На озеро, у которого не было дна, а внизу, под толщей воды находилось то, что являлось истинным совершенством, в отличие от своей бездушной академической аватары, то, что предпочитало скрываться от чужих глаз, не надеясь найти человека, который поймёт суть вещей, осознает истинно-божественную кра-

соту, достойную поклонения, и примет её в своём сердце. И божество посмотрело на человека тысячей прекрасных глаз.

Вскрикнув, художник рухнул на снег, задёргался, словно в припадке. Взгляд Бога обжёг тело, глаза, разум. В голове замелькали разные образы, полные немислимых сочетаний цветов, изображающие странные, несуществующие вещи, иные миры, один из которых был родной высшего существа, сошедшего в своей бесконечной милости на Землю, чтобы принести людям счастье, и застрявшего здесь, вместе с этими дикарями.

Божество транслировало в разум художника свои мысли, свои желания и мечты, как прежде, когда его тело, само по себе, принималось зарисовывать фантасмагорические образы. И теперь художник молил только об одном – стать проводником воли своего нового повелителя, положить всю свою жизнь на служение Ему. И бог милостиво согласился.

– Ид ерв не любит, когда на него смотрят. Удивительно, что ты жив, – произнёс знакомый уже старик, присаживаясь на снег рядом с Артёмом.

– Так вы всё-таки знаете, что девушка не настоящая? – удивился лежащий на спине парень.

Ветер утих. Снежинки, неспешно кружась, опускались на лицо и столь же неспешно таяли. Перед глазами таяли образы, показанные Богом. По всему телу разливалось приятное тепло, приносящее неодолимое желание жить. Жить и творить, запечатлеть, задокументировать Его величие.

– Конечно. Старики всё знают. Она для молодых. Иначе боятся. Не чтут традиций. Хотят уйти.

– Как давно он здесь?

– Очень. Русские пришли за годы до моего рождения. Ненцы за века до русских. Ид ерв был раньше. Ид ерв манит, хочет поклонения. Мы охраняем, не даём.

Старик замолчал, растирая щёки. Где-то в стороне слышались разговоры возвращающихся к стойбищу ненцев, скрипели салазки единственных нартов, в которых везли окровавленную, но гордо улыбающуюся женщину. Глупые аборигены, если бы они только знали...

Откашлявшись, старик продолжил:

– Ид ерв принял тебя. Ты теперь можешь желать. Только подумай, сможешь ли оплатить цену. Мы – народ скромный. Нам бы рыбы побольше. Да чтобы русские не трогали лишний раз. Вот этого и желаем. Взамен отдаём то, что нужно ему. Обычно это немного.

– Ну да, – усмехнулся Артём. – Пальчик-другой, ухо, язык. Ни хрена вы не понимаете. То, что вы даёте – просто объедки, унижительная сделка, богу приходится творить чудеса, лишь бы не умереть с голоду. С другой стороны, а как иначе? Других людей здесь нет. Но ничего, я это исправлю...

С этими словами он поднялся и зашагал к городу, не обращая внимания на возгласы оставшегося позади старика. Во рту стояла горечь. На глаза наворачивались слёзы от злости, от иррациональной обиды на ненцев, сотни лет назад обнаруживших Бога и посмеявшихся оставить его себе.

Нет, так нельзя! Всё это время на земле жило настоящее божество, которое, в отличие от Иисуса и Будды, можно увидеть, в которое можно не только поверить, но и лично убедиться в его существовании, а они скрывали это от человечества. Еретики! Все они будут наказаны.

Но это потом. Сейчас Богу нужны люди, нужна паства, нужна... пища. И Артём готов помочь, готов стать мессией, проводником Его воли. Готов стать Его первым иконописцем.

Едва он переступил порог, Еване кинулась на шею, зашептала, покрывая лицо горячими поцелуями:

– Живой, живой! Ид ерв принял тебя, как же хорошо, я так волновалась! Я ведь это всё ради тебя. Не могла смотреть больше, как ты мучаешься, как утасяешь, становишься таким же, как остальные. Пустым и никчемным. Ты не такой, я знаю, ты талантливый и видишь мир совсем иначе, у тебя большое будущее, и нужен был лишь небольшой толчок...

– Я знаю, Еване, – улыбнулся Артём, ничуть не удивившись её чудесному выздоровлению.

Божество одаривает своего апостола и его близких, это очевидно. Теперь он действительно видел иначе, благодаря своему покровителю. Видел её желание: помочь брату открыть новые грани таланта. Видел безграничную сестринскую любовь.

Он крепко обнял её, прижал к себе хрупкое тело.

– Больше ни о чём не беспокойся, Еване. Меня действительно ждёт великое будущее, нас обоих.

В спальне затрещал телефон. Звонил человек Верховцева, спрашивал, можно ли забрать картину на следующей неделе.

– Конечно, – ответил Артём, улыбаясь. – Пускай он подыщет целый выставочный зал. Работ будет ещё много. Одна лучше другой. Люди должны это увидеть. Люди должны узнать.

Во славу Древних Александр Лещенко

Год подходил к концу. Николай прожил его так, как хотел – во славу Древних.

Во имя Шуб-Ниггурат!

Во имя Дагона!

Во имя Ктулху!

Во имя Йог-Сотота!

Весной Николай принёс в жертву свою девушку. Они поехали в лес, занимались любовью. Насладились друг другом сполна. А потом Николай вонзил ей в грудь кинжал. Вырезал сердце. Мерзко. Но всё равно не удержался и откусил кусочек. Палатка погрузилась во тьму, а когда вернулся свет, то ни девушки, ни сердца нигде не было. Зато появился чёрный медальон, на котором был изображён изогнутый рог.

Во имя Шуб-Ниггурат!

Летом Николай принёс в жертву своего лучшего друга. Заманил на утёс, столкнул вниз. Парень разбился, упав на чёрные острые камни. Николай затащил протяжную песню на древнем языке. Набежала волна, подхватило изломанное тело, утянула в воду. Вторая волна вынесла на берег зелёный медальон. Кто-то вырезал на нём трезубец.

Во имя Дагона!

Осенью Николай принёс в жертву своего отца. Арендовали катер для рыбалки. А когда заплыли достаточно далеко, то Николай вырубил отца, привязал к ногам мешок с песком и столкнул за борт. Стал читать богохульные молитвы.

Спустя какое-то время ему показалось, что снизу поднимается гигантская тень. Солнце скрылось за тучей, катер закачался на волнах, норовя перевернуться. Но тень исчезла, словно канула в глубину, откуда и появилась, а в борт лодки что-то тихо застучало – синий медальон с щупальцем.

Во имя Ктулху!

Зимой Николай принёс в жертву свою мать. Долго выбирал место для жертвоприношения, пока не остановился на арке под пешеходным мостом. Вечером они пошли гулять по вечернему парку. Вокруг не было не души. Оглушив мать, Николай перерезал ей горло и кровью нарисовал отвратительные символы на стенах арочного прохода. В центре возник портал из ослепительного света. Жертву затащило туда, а на каменную плитку упал белый медальон. В центре его был ключ.

Во имя Йог-Сотота!

И вот Николаю снился сон. Он оказался перед гигантским храмом, вокруг возвышались снежные горы. К величественному зданию вела мощённая дорога. По обеим сторонам от неё стояли статуи Древних: Ктулху, Дагон, Шуб-Ниггурат, Йог-Сотот, а также множество других – знакомых и совершенно неизвестных. Дорога была в снегу, но, судя по множествам отпечаткам ног, гигантский храм не испытывал недостатка в посетителях.

Николай вошёл внутрь. Стены были исписаны богохульными фресками: на них запечатлены люди, поклоняющиеся Древним и приносящие им жертвы. В центре зала находился алтарь. От него вверх, к внутренним воротам, уходила лестница. Подойдя к алтарю, Николай достал из карманов медальоны и вставил их в круглые отверстия.

Раздался скрежет, створки ворот распахнулись. За ними была первозданная темнота. Но вот оттуда показался худой, долговязый мужчина и стал спускаться по лестнице.

Он был одет в чёрный деловой костюм, в руках держал книгу в кожаном переплётё. Мужчина напоминал скорее бухгалтера или учителя, а уж никак не главного жреца Древних. Но Николай понял, кто перед ним.

– Приветствую тебя, о, великий Затворник из Провиденса!

Он начал наклоняться, чтобы стать на колени, но жрец Древних иронично улыбнулся и жестом остановил его.

– Привет-привет. Давай обойдёмся без скучных формальностей и перейдём сразу к делу.

Взгляд Николая упал на книгу, и он не смог удержаться:

– Это та самая книга?

– Нет, конечно, – улыбка Затворника стала шире. – Это даже не «Кульг Гулей». А «Некрономикон» стоит там, где ему и полагается – на отдельной полочке в моём книжном шкафу. А здесь, – главный жрец Древних похлопал по книге, – собраны все записи о тех, кто приносит нам жертвы.

Зашелестели страницы.

– Так-так, Николай. Весной – девушка, летом – друг, осенью – отец, зимой – мать. Что ж, ты хорошо потрудился, – Затворник захлопнул книгу. – Самое время получить награду!

Главный жрец Древних сделал паузу.

– Шуб-Ниггурат!

Медальон с рогом взлетел в воздух. Из него ударил чёрный луч энергии, прямо в Николая. Он упал, на голове выросли рога, на ногах копыта, кое-где проступила шерсть.

– Дагон!

Теперь медальон с трезубцем присоединился к первому медальону. На Николая излился зелёный луч. Кожа позеленела, рот превратился в зубастую рыбью пасть, глаза выпучились.

– Ктулху!

Медальон с щупальцем, синий луч. Голова Николая стала изменяться, пока не трансформировалась в голову осьминога, у рта теперь змеились щупальца.

– Йог-Сотот!

Последний четвёртый медальон с ключом закружился в воздухе вместе с остальными. Из него ударил белый луч. С телом Николая не происходило больше никаких изменений, но он почувствовал, что из него что-то вытягивается, а внутри становится всё холоднее и холоднее.

– Почему?! – из последних сил выкрикнул он.

– Почему? – переспросил Затворник из Провиденса и вздохнул. – Ты думаешь, что принёс в жертву Древним свою девушку, своего друга и своих родителей? Но на самом деле ты постепенно приносил им в жертву себя. Шуб-Ниггурат – Любовь, Дагону – Дружбу, Ктулху и Йог-Сототу – Семью.

Между четырёх летающих медальонов появился сверкающий портал. Николая затянуло внутрь. С громкими хлопками медальоны поочередно взрывались, разлетаясь яркими искрами. Портал исчез.

Запах из соседнего номера

Павел Рязанцев

1

Ночь в пустыне всегда наступает внезапно. Казалось бы, в семь вечера между оранжево-розовым диском вечернего солнца и рябщей линией горизонта ещё довольно большое пространство, и вдруг – словно разом задули все свечи. Впрочем, не все, а лишь небесные. В городе-то по-прежнему светло.

С наступлением темноты жизнь в нём только начинает закипать.

Из полудюжины гостиниц на Хакикат, главную улицу Старой Бухары, высыпались сотни туристов, блестя голыми лодыжками и лоснящимися загорелыми лицами. Вся эта бубнящая и пищащая на русском, немецком, английском и узбекском языках масса выплеснулась на оштетинившуюся бликами мостовую и наводнила всё, что можно было наводнить. Перед прилавками с воздушной кукурузой выстроились очереди из взрослых с нетерпеливо дёргающимися детьми; в ресторанах рядом с прудом и каналами расселись девичьи компании, щебечущие о местной одежде; мужчины же обступили памятник Ходже Насреддину.

Великая красота, доступная всем, но трогающая немногих.

Гул ночной жизни не принёс радости семье Сардора сегодня. Из окна старенького дома, в котором проживали сам Сардор, его жена Асмира и их дети Азиз и Мадина, открывался вид на потрескавшуюся каменную стену точно такого же обиталища.

Сардор ждал. Сидел на скамье, защищённый от холода хмурыми стенами, и ждал. Во взгляде Асмиры, мывшей посуду после ужина, упрёк смешался с беспокойством. Восемилетняя Мадина молча зашивала братику прореху в рубаше, пока шестилетний Азис отстранённо глядел в стену. Он не знал причин, по которым отец был не в духе весь вечер и весь предшествовавший день, но мрачно-апатичное ожидание оказалось заразительным, и мальчик следовал примеру перед глазами.

– Не надо было соглашаться, – Асмира устала повторять эту фразу словно заевший старый магнитофон, но та сама вырвалась вместе со вздохом, исполненным сожаления. – Аллах свидетель, оно того не стоит.

– Аллах свидетель, нам нужны её деньги, – угрюмо пробормотал мужчина, мельком взглянув на жену.

Та не ответила, лишь опустила глаза и вернулась к своему занятию. Всё, что можно было высказать, не единожды высказывалось в течение дня.

– Может, лучше было бы отправить детей к твоей маме?

Детей, разумеется, не спрашивали, желают ли они погостить этим вечером в доме на соседней улице, но их ответ был вполне предсказуем. Не зная даже, что повергло родителей в такое уныние, Мадина была совсем не против вывести Азиса – да и себя тоже – из-под сгущавшихся над домом туч куда подальше.

– Может быть... – неопределённо протянул Сардор, как вдруг в дверь постучали.

Всё семейство замерло – от неожиданности и от смутного ощущения чего-то рокового. Чего-то, что разделит жизнь на «до» и «после».

Несколько неуютных секунд спустя стук повторился. Выйдя из недолгого замешательства, Асмира выразительно взглянула на мужа и кивнула на дверь.

«Давай, открывай! Это ведь твоя затея!»

Мадина с плохо скрываемой тревогой взирала на черневший в стене прямоугольник двери и робко, страшась лишний раз даже моргнуть, попятилась вглубь комнаты, пока не очу-

тилась позади брата, нервно сцепившего руки. Тот, ощутив на плечах тоненькие руки сестры, невольно накрыл одну из них ладонью. Отец медлил. Боялся. Значит, есть чего бояться. Вернее, кого.

Сардор осторожно, почти крадучись, приблизился к двери и потянулся к замку. Опустив руку на щеколду, мужчина прислушался. Возможно, он надеялся услышать посетителя, его нетерпеливое сопение и раздражённое ворчание. Возможно, он дожидался новой серии ударов колотушки о лакированное дерево, хотел удостовериться в серьёзности намерений посетителя. Возможно... Но правда такова: в глубине души он лелеял по-детски наивную надежду, что это лишь шумная возня бездомной собаки, случайно забредшей к ним во двор, и больше никаких звуков из-за двери не раздастся.

– Открывай! – шикнула Асмира, перебираясь поближе к детям.

Неопределённость оказалась слишком тяжёлым испытанием для натянутых нервов.

Обречённо вздохнув, Сардор отворил дверь.

На голубоватом от небесного света пороге стояла человеческая фигура. Зловеще молчаливый силуэт в полутьме казался кровожадным призраком с глазами, горящими мёртвым пламенем, но Мадина сумела разглядеть колеблющиеся на меланхоличном ветру складки то ли паранджи, то ли плаща.

Сардор не нашёл слов, чтобы поприветствовать пришельца. Когда это чёрное привидение приблизилось к мужчине, он невольно отступил и, зацепившись за дверной порог, едва не ввалился в дом затылком вниз, чем напугал свою семью до одновременного вскрика. Обошлось.

Безразличная безмолвствовавшая фигура степенно проплыла в освободившийся проход; лишь танец складок тёмных одежд в мягком серебристом свете, выдававший движение ног, доказывал испуганному семейству, что это лишь человек из плоти и крови, а не джинн или иное порождение кошмарного шайтана пустыни. Это слегка успокаивало.

Войдя внутрь, чужак закрыл за собой дверь. Капюшон, как теперь стало ясно, плаща надёжно скрывал лицо от глаз. В неосвещённой прихожей посетитель легко мог бы слиться с дверью. Отчасти поэтому на подоконнике стояла старая масляная лампа, хотя уже довольно давно она служила скорее украшением, чем светильником.

«Надо было зажечь свет, – запоздало спохватилась Асмира, бросая суестьющийся взгляд на крошечное оконце рядом с выходом».

Масло со шнуром были на своих местах и в хорошем состоянии, но вряд ли ночной визитёр мог заметить похожий на потускневший жестяной чайник сосуд, не то что догадаться о его предназначении.

Гость отбросил капюшон, и кроме пары мрачных серых глаз хозяева могли наблюдать гриву чёрных волос, окаймлявших бледное, словно вырезанное из гранита, лицо. Исполненный то ли презрения, то ли безразличия взгляд заставил Сардора отступить к семье, пока незнакомка шарила по подоконнику в поисках светильника.

Никто не заметил, чтобы у женщины хоть на секунду в руках появилась спичка, и не услышал характерного треска, однако факт остаётся фактом: уже через мгновение незнакомка держала в руке горящую лампу. Вспыхнул ли шнур, когда светильник ещё стоял на подоконнике, или это произошло уже в руках визитёрши, ни глазастая Мадина, ни Асмир, ни их родители сказать бы не смогли.

Понимая, что из ступора своими силами муж может и не выйти, Асмира рискнула проявить инициативу.

– Добро пожаловать! – робко вылетело из её рта.

Парализующий взгляд с холодной злобой вперился в узбечку, зароня в душу раскаяние в столь необдуманном шаге. Со стороны казалось, что незнакомка намерена приблизиться и придушить свою жертву, упиваясь предсмертными хрипами последней под испуганные крики окружающих.

Дети всхлипнули. Жуткая женщина мельком взглянула на малышей и неожиданно ослабила хватку. Теперь её внимание сосредоточилось на них. На мрачном, но по хищному красивом лице появился интерес, который был непонятен Мадине и Азису. Он и вывел главу семейства из оцепенения.

– Я... Я всё приготовил! – выпалил Сардор и добавил шёпотом: – Не трогай их.

Ещё с две секунды женщина, наклонив голову, глядела в сторону трясущихся мелкой дрожью детей, но не на них, а как будто сквозь них, словно размышляя о чём-то или вспоминая. У Мадины пересохло горло, а напуганный Азис чуть ли не обнял сестру, прижимаясь к ней, как измождённый путник к столбу. Наконец, эта недолгая, но изматывающая попытка прервалась. Незнакомка резко изменилась в лице и с неожиданной прытью подошла к взрослым.

В серых глазах блеснул вопрос, и его не требовалось озвучивать. Сардор бросился к пыльному шкафу и принялся лихорадочно рыться в сваленном на дно платьевого сегмента тряпье. Во все стороны летели обрывки потерявшей цвет ткани и беспорядочных фраз. Сумрачная женщина не сводила взгляда с перепачканной футболки, но мать с детьми по-прежнему боялись лишний раз пошевелиться, словно знакомка видела всё, что происходило у неё за спиной.

– Вот! Всё здесь! Вот!

В уши врезался раздражающий звук стучащих по полу колёс. Тусклый свет лампы выхватил из тьмы контуры грязно-коричневого чемодана. Свыше метра высотой, эта пропахшая пылью глыба могла вместить, не будь она сейчас загружена чем-то объёмным и массивным, Азиса, а если очень постараться, то и его сестру. Бок чемодана топорщился – из него, едва не прорезая в одряхлевшей ткани дыру, выпирало нечто твёрдое и угловатое.

– Очень торопились, – оправдывался Сардор.

На секунду его лицо озарилось привычной извиняющейся улыбкой, как если бы сейчас был день, а он стоял за прилавком и объяснял возмнившему себя гениальным купцом туристу, почему нельзя продать шафран дешевле. Женщина в чёрном расстегнула молнию на чемодане и, бегло осмотрев содержимое, застегнула обратно. Кажется, всё было в порядке.

Мадина заметила, как вспыхнули глаза родителей, когда знакомка извлекла из недр плаща целлофановый свёрток. Мать просияла, отец тоже повеселел. Девочка вспомнила недавний диалог, и вопрос о содержимом свёртка отпал.

Незнакомка наклонилась к Мадине и, пристально глядя девочке в глаза, приложила палец к губам, после чего опустила ладонь на ручку чемодана и собралась уходить. Не успела она дойти до двери, как Сардор с Асмирой убежали вглубь комнаты – проверять содержимое пакета.

«Не могу поверить, что эта ослица так дорого оценила дедушкино барахло!»

Слишком увлечённые пересчётом богатства, чуть ли не свалившегося на них с неба в момент нужды, они не заметили, как женщина в чёрном, пересекая порог, обернулась и поманила Азиса пальцем.

Мадина сама не понимала почему, но вместо того, чтобы позвать Азиса, маму или пронзительно завизжать, она замерла и молчала, будто беспристрастно наблюдала за тем, как её братик робко, но послушно затрусил за знакомкой.

Дверь захлопнулась. На полу неровно горела лампа.

Мадина почувствовала, как холод, зародившийся в желудке, распространился по всему телу. Она попыталась осмыслить случившееся, соотнести его с окружавшей её реальностью, но родители, продолжавшие пересчитать купюры номиналом в сто тысяч сум, сводили все усилия на нет. Девочка закричала, но внезапно её глаза округлились от ужаса.

Она не услышала собственного крика!

«Нет... Нет!!!»

Мадина бросилась к родителям и крикнула снова, изо всех сил размахивая руками, но тщетно: звука не было. Родители заулыбались как верблюды: «Ох, как она радуется! А мы-то как рады, ты не представляешь!»

«Мама! Папа!» – силилась выкрикнуть девочка и тыкала пальцем в сторону двери, но слова словно раздирали горло изнутри, а родители не понимали смысла жестов.

– Да, хорошо, что эта ведьма ушла!.. – и продолжали считать деньги.

Задыхаясь, Мадина выбежала во двор и затравленно огляделась в отчаянной попытке увидеть брата и эту жуткую женщину. Улочка оказалась пуста, и девочка бросилась в сторону освещённой ночными огнями туристической зоны, совершенно не подумав, что похитительница могла завести маленького Азиса в глубины города, в настоящий лабиринт из узких улочек и глухих тупиков, где заброшенных домов больше, чем жилых...

С всё нараставшим отчаянием Мадина вглядывалась в лица и спины прохожих. С каждой секундой надежда найти маленького Азиса становилась всё меньше, но – о чудо! – Мадина заметила вдалеке чёрное покрывало плаща, по одну сторону от которого катился невзрачный чемодан, а по другую – зачарованно шёл братик.

«Я должна спасти его!»

2

– Ну и где кровать?

Заходящее солнце разливало свой розово-красный свет по внутреннему двору, но до окон номера его лучи доставали с трудом. На самом деле, эти отверстия чуть выше порога и окнами-то назвать язык не поворачивался, скорее бойницами, которые кто-то додумался застеклить. Архитекторы былых времён, конечно, не могли и подумать, что возведённое ими медресе спустя века превратят в колоритную гостиницу, а в тёмных и тесных помещениях с выходом во двор обустраивают жилые комнаты с ванными, а также прачечную, столовую и ресепшен.

Тем не менее, «Амулет» пользовался значительной популярностью, и Саша с Алиной, не долго думая, выбрали его в качестве опорного пункта на время пребывания в Бухаре. В конце концов, есть ли смысл приезжать в один из известнейших исторических центров Узбекистана, чтобы жить в обыкновенном отеле?

– Как где? Да вот же!

Проследив за рукой подруги, Саша действительно обнаружил придвинутую к стене кровать, да ещё и с вышитыми на покрывале мудрёными этническими узорами.

«Напоминает настенный ковёр в бабушкиной квартире».

У изголовья стояла резная тумбочка с настольной лампой, прайс-листом прачечной, крохотной бумажкой с паролем от вай-фая и...

– Ого! – Алина спешно разулась и босиком побежала по каменному полу, покрытому не самыми новыми и слегка выцветшими коврами, к тумбочке.

На ней, кроме перечисленного, красовался поднос с сервизом с характерным бело-синим орнаментом «пахта». Часть подноса, не оккупированная сервизом, была отведена под треугольные лоточки с наватом, варенным в сахаре арахисом, джутом и парвардой. Не удивительно, что девушка совсем не обратила внимания на одноразовые белые тапочки на крышке сундука у входа.

Пока Алина пробовала местные радости, Саша освободился от пыльных шлёпанцев, с трудом натянул на ступни узкие тканевые чехлы, по чистой случайности названные тапочками, и попытался понять: что же с этой кроватью не так?

Несвежее бельё? Да нет, из-под покрывала скромно выглядывала белоснежная простыня. Может, не по росту? Было бы странно, ведь Саша не такой уж долговязый. Клопы или тараканы? Вряд ли...

– Не зевай, а то ничего не достанется! – легкомысленно блеснув голыми ляжками, Алина вальяжно развалилась на кровати.

Как раз напротив той, что Саша так внимательно разглядывал.

«Однospальная, зараза, – наконец осознал парень и покачал головой, пытаясь краем глаза увидеть, чем занята его девушка: та крутила в руках пульт от висевшего на стене телевизора. – И ещё эта дурацкая тумба прямо между койками...»

– Что-то не так? – Алина оставила пульт в покое и придвинулась к тумбе, чтобы разлить чай по чашкам.

Сладостей на подносе всё ещё было в избытке.

– Всё нормально, – Саша улёгся на свою кровать и устало оглядел противоположную часть комнаты.

На другой стороне зиял дверной проём. Ванная комната. Судя по бликам на плитке и отражению в зеркале над раковиной, довольно большая, даже больше спальни с коридором. И всё это в их с Алиной распоряжении? Недурно!

Пока Саша высматривал в черноте контуры душевой кабины или ванны, Алина распаковывала чемодан и ворошила пакеты с одеждой и бельём. После двух утомительных часов езды в «жигулях» из Карши в Бухару неплохо бы переодеться во что-нибудь сухое и менее пахучее.

– Сейчас ополоснусь, и пойдём смотреть Пои-Калян! – Алина не стала брать с собой полотенце, прекрасно понимая, что с такими вещами у отеля всё в порядке – она читала отзывы.

Длинноногой девушке так шли мини-шорты, что Саша невольно привстал с кровати. Возникло сильное желание проследовать за Алиной и разделить с ней душевую кабинку, но дверь за её спиной закрылась, и замок многозначительно щёлкнул. Похоже, довольствоваться предстояло лишь смазанным силуэтом в непрозрачном стекле на двери.

«Эх, Алинка, Алинка... – расстроился Саша и опустил голову на подушку, ощущая, как его собственные шорты становятся тесными. – Лето, тепло, Восток, загорелые ножки на солнце сверкают... м-м-м... И вдруг – одноместные кровати! Зачем так со мной?»

Потратив минуту на разглядывание скучного потолка, Саша перебрался на соседнюю кровать и включил телевизор. Российских каналов оказалось больше, чем местных.

В дороге разморило, да и бурчание с экрана убаюкивало. Саша задремал, а когда очнулся, Алина уже стояла над ним в майке с шортиками, широкополой шляпе и солнцезащитных очках.

3

Женщина вкатила чемодан в номер и, дождаввшись, когда мальчик минует порог, заперла дверь. Словно очнувшись от транса, Азис растеряно озирался, пытаясь понять, где он и почему рядом нет его родителей и сестрёнки. Освободившись от плаща, хозяйка номера открыла чемодан и начала выгружать его содержимое на стол.

Оказавшись у изножья кровати, Азис посмотрел на стол из-за облачённой в тёмно-серую рубашку-поло спины. Теперь там лежало множество толстых и пыльных книг с непонятными названиями, отдельные листы, инструменты, флаконы с разноцветными маслянистыми жидкостями и какие-то порошки. Папа никогда не скрывал от Азиса, что и как он делает с растениями, чтобы получать специи на продажу, и мальчик точно видел у него ступку с пестиком, очень похожие на те, что лежали на столе. Только у папы они были деревянные, а эти как будто вырезаны из камня.

«Может, эта тётя – папина *кал... кол... коллега*? Тогда почему я здесь?»

Вдруг женщина прервалась.

«Ты уйдёшь домой, когда я удостоверюсь, что твой отец не обманул. – Азис не мог понять, раздался ли низкий женский голос со стороны этой мрачной тётки, или же прозвучал лишь в его голове, словно фраза из недавнего воспоминания. – Если не обманул...»

– Папа хороший, он не обманывает! – воскликнул ребёнок.

Ответа не последовало, но Азис заметил, как продолжившая перебирать и перелистывать книги женщина вздохнула.

– Тётя, можно мне попить?

– ...

– Пожалуйста! – жалобно протянул мальчик.

После недолгой паузы хозяйка номера оставила книги и направилась к стоящему в противоположном углу комнаты холодильнику. На то, чтобы взять оттуда пол-литровую бутылочку воды, понадобилась лишь пара секунд, но их же хватило и Азису, чтобы взгляд его загорелся, рот наполнился слюной, а желудок мучительно скрутило. В недрах дальнего потомка погребов хранились истинные сокровища: сыр, ветчина и масло, инжир и нектарины в синем и зелёном целлофановых пакетах, тарелка с виноградом, тёмная стеклянная бутылка и, конечно же, несколько пластиковых бутылочек, точно таких же, как у незнакомки в руке.

Перехватив восторженный, но полный горечи взгляд ребёнка, женщина остановилась. Подумав ещё с секунду, она вернулась к холодильнику и взяла оттуда тарелку с виноградом.

Пока ребёнок шумно осушал бутылку, Тёмная Анна, сидя в плетёном кресле, молча наблюдала, как подёргиваются детские горло и живот во время питья, и ловила быстрые, чуть пугливые взгляды в свою сторону.

«Интересно, был ли у меня такой в прошлой жизни?»

– Хочешь? – Анна покосилась на тарелку с «дамскими пальчиками».

Дитя нетерпеливо закивало.

Анна сорвала виноградину и поднесла ко рту Азиса. Преодолев нерешительность вперемешку со смущением, мальчик приоткрыл рот. Горячее дыхание жизни заставило Анну вздрогнуть, и она продержала свои бледные пальцы во рту ребёнка чуть дольше, чем было необходимо. Азис раздавил виноградину и ощутил на языке липкий сок.

– Нравится?

– Нравится.

– Сладко?

– Сладко.

– Сладко... – задумчиво повторила Анна, отводя взгляд в сторону, словно вспоминая что-то.

Но ребёнок вновь её окликнул.

– Почему у тебя такие холодные пальцы?

– Я играла со Смертью, а у неё холодные руки. Это заразно.

– Разве ты не можешь согреться?

Анна криво улыбнулась и сорвала ещё одну виноградину. Азис с готовностью открыл рот. Тёмная снова пронесла плод за зубы мальчика, но вела себя при этом по-другому. Медленно и аккуратно, повторяя своими губами движения губ Азиса, словно мать, кормящая младенца с ложечки – это то, что можно было бы увидеть со стороны. Но лишь мальчик мог почувствовать, как кормившие его пальцы ласкались о влажный язык и нежные губки; с каким напряжением Анна возвращала пальцы наружу, как смотрела на тёплое, словно свежая рана, горло. Как, сама того не замечая, облизывала собственные губы.

«Много ли эссенции я смогу добыть из него?.. Впрочем, он совсем ребёнок, у него и железы ещё толком не работают».

– Тебя когда-нибудь любили? – Анна запустила свои по-прежнему холодные пальцы в короткие чёрные волосы мальчика.

– Меня любит мама, и папа, и бабушка. И сестра, – неуверенно перечислил Азис, стараясь убрать голову из-под ладони чужой ему тёти. – А тебя?

– Добровольно – нет. Обычно.

Щекой и мочкой уха Азис ощутил прикосновение сухих губ и шершавого языка.

В горле мальчика встал ком.

– Не хочешь принять душ? – шёпот лился ему в ухо вместе с неровным дыханием. – У меня столько горячей воды, сколько ты захочешь.

Сознание Азиса оказалось мухой в липкой паутине гигантского паука. Язык с трудом шевелился из-за приторного виноградного сока, в желудке словно начался сквозняк, стремительно поднимавшийся к рёбрам. Как будто что-то внутри разорвалось. Внизу живота похолодело.

– Я не... я не...

Или это были её холодные пальцы?

– Тс-с-с...

4

Пока женщина в чёрном и Азис пробирались сквозь толпу ночных гуляк, Мадина разрывалась между страхом за брата и страхом перед его похитительницей. Нельзя было упустить их из виду, но даже если она их и догонит, то что она сделает? Нужна помощь взрослых, и Мадина кидалась ко всем, кто только попадался на пути. Однако...

Раз за разом потоки детского сознания разбивались о гримасы замешательства. Казалось, посреди дороги разыгралась какая-то жуткая в своей дикости пантомима. Девочка с выпученными глазами хваталась за горло, нервно кивала в сторону дороги и заламывала руки, словно умоляя пойти за ней, но она не то что не произнесла ни единого слова – она не издала ни единого звука. Туристы сочли за благо не задерживаться рядом с беспризорницей, дети с родителями оглядывались на неё, а одна старушка даже попыталась всучить Мадине тысячу сум, но девочка лишь закатила глаза и убежала.

«Не поможет! Никто мне не поможет! Она ведьма! Она меня заколдовала!»

Ноги Мадины налились тяжестью. Колени сами собой подогнулись, а губы растянули в гримасу отчаяния. Пазухи носа ощущались как две крохотные дождевые цистерны, в которые долгое время стекали капли, и вот теперь вода поднялась до краёв. Мадина согнулась в беззвучных рыданиях и опустилась на колени, закрывая лицо ладонями. Горячие капли тихо проливались на пыльные плиты.

«Помогите же мне! Помогите же мне-е-е!!!»

Порыв ветра бросил в лицо горсть пыли. В глазах защипало ещё сильнее. Хотелось разреветься, но звук застрял в горле. Казалось, что поразившая Мадину немота распространилась на всё вокруг; только что шумевшая музыка стихла, голоса перешли в тихий бубнёж на грани шёпота; отзвуки шагов потеряли гулкость, словно под ногами у сотен людей не асфальт и каменные плиты, а спортивные маты.

На фоне увядающего, чем-то напоминавшего белый шум в сломанном телевизоре, мира яркой вспышкой высветилась мысль:

«Они мне не помогут».

– Азис... братик...

Упёршись ладонями в землю, Мадина проползла на четвереньках около метра, оставляя под собой слёзный след. В этой отчаянной попытке сбежать от реальности она бы проползла ещё не один метр, но коленка угодила в выбоину. Боль заставила девочку всхлипнуть, но каверны под глазами уже опустели. Рубеж преодолен. Размывшийся было мир вновь обрёл чёткость, и Мадина рискнула поднять голову.

Ведьмы с мальчиком в зоне видимости уже не было. Однако страх и желание просто лечь и больше никогда не вставать на время спрятались куда-то глубоко-глубоко, и на их место пришла странная уверенность. Уверенность в том, где нужно искать брата.

Естественно, Мадина видела уведшую Азиса женщину впервые, но почему-то ей казалось, что эта бледная сероглазая *гадина* не местная. А значит...

«Братик! Ты вернёшься домой! Вернёшься! Даже если я не вернусь...»

Алина зашмыгала носом уже на обратном пути к «Амулету». Сочетание газировки со льдом и столика под кондиционером оказалось серьёзным испытанием для организма, хотя, казалось бы, температура воздуха не опускалась ниже двадцати двух градусов.

– Да ничего страшного, – успокаивал Саша, протягивая девушке одноразовый платок. – За ночь под одеялом согреешься – утром будешь как огурчик.

«Может, убрать эту чёртову тумбочку куда-нибудь в коридор и сдвинуть кровати? Что я, в самом деле, переживаю? Всё же легко поправить...»

Использованный платок отправился в ближайшую урну. Идти до «Амулета» оставалось совсем немного. На дороге, у края тротуара, туристы заметили полупустой мешок с пёстрыми заплатками. Присмотревшись, Саша смог различить худые ноги и руки и маленькую чернявую головёнку. Мешок оказался сжавшейся в комочек девочкой лет восьми-девяти.

Пока парень разглядывал это чудо, Алина уже успела добежать до входа в гостиницу. Встав к лакированным дверям вплотную, она с усилием втянула ноздрями воздух.

Что-то не так. Девушка отошла к стене и вдохнула снова...

– Саша, я запахов не чувствую!

– Чего?

– Пыль на стене и лак на двери. Я их не чувствую! – и ещё раз шмыгнула носом.

– Не торопись, – попытался успокоить подругу Саша, – это может быть от нервов.

«Вот только *короны* ей не хватало! И так грёбаная *принцесса*, блин».

– Идём внутрь, там разберёмся.

Оказавшись в тесном, но аутентичном «перевалочном пункте», Алина, не замечая ничего вокруг, принялась рыться в чемодане, карманах и сумке и подносить к носу самые разнообразные пахучие предметы: денежные купюры, бельё – свежее и ношеное, вдыхать пудру из косметички. От последней девушка предсказуемо чихнула, но было сложно сказать, ощутила ли она запах или нет.

Затем Алина бросилась к холодильнику и проверила обоняние на палке колбасы. То ли запах полуфабриката действительно сумел пробиться к рецепторам, то ли самовнушение так подействовало, но надежда, что Алина не подхватила пресловутый «ковид», а всего лишь простыла, забрезжила с новой силой.

– Да не должно же быть такого! – подбадривая себя, девушка закрылась в ванной.

Одного носового платка явно оказалось недостаточно.

Саша тоже не терял времени зря. Пресловутая тумбочка отправилась в угол напротив холодильника. Пришлось, правда, переставить настольную лампу в выемку в стене. С кроватями пришлось повозиться чуть дольше. В конце концов, усталый, но довольный собой Саша рухнул на теперь уже двухместную кровать.

...То недолгое время, пока Алина носилась по коридору с палкой колбасы и потными майками, а красный от натуги Саша пыжился, сдвигая и выравнивая кровати в центр комнаты, в дверях молча стояла грязная и заплаканная девочка с разбитой коленкой. То ли насмотревшись на эту бессмысленную суету, то ли очнувшись от наваждения, словно вакуумом затянувшего её в переделанное под отель медресе, она огляделась. В одной из семи оставшихся непроверенными комнат находится чужеземка с холодными глазами, затягивающая на шее маленького Азиса губительную петлю.

Мадина не могла этого знать, могла лишь почувствовать. Но такие чувства не врут.

5

Град слабых, но настойчивых ударов обрушился на потемневшую резную дверь. Колотили словно в истерике. Находившиеся в комнате сразу заметили – кто-то осознанно, кто-то подспудно – что били немного выше уровня замка и дверной ручки, а не туда, куда люди стучат обычно...

Тёмная не терзалась размышлениями на сей счёт. Без видимого беспокойства она оставила дрожавшего мальчика.

«Сейчас вернусь» – услышал он шёпот у себя в голове.

Тёмная подошла к двери и, дождавшись перерыва между сериями ударов, открыла её, уже зная, кто стоял за несколькими сантиметрами дерева.

На пороге тяжело дышала покрасневшая от напряжения и выплаканных слёз девочка в перепачканном платье. На коленке переливалась ещё не засохшая гранатовая кровь.

В открывшемся проёме Мадина увидела просиявшего Азиса; он сидел на застеленной кровати. Губы израненной девочки расплылись в мученической улыбке, но вспышка радости не была долгой: сумрачная тень вынырнула из-за двери и встала между детьми. Мадина испуганно подняла глаза.

Увидев уже знакомое лицо с невозмутимо взиравшими на неё двумя призрачными огнями, Мадина собралась с духом, оскалилась и закричала:

– Верни мне моего братика!!!

Вернее, попыталась закричать. Исполненные злости и отчаяния слова застряли в горле, раздирая его изнутри, словно разбитое стекло. Острая боль заставила девочку закашлять, словно после первой затяжки. Скрючившаяся Мадина не могла этого увидеть, но блеклые глаза мучительницы злорадно сверкнули, а уголки рта чуть натянулись. К тому моменту, как девочка справилась с подавившим её кашлем, улыбка с лица Тёмной уже исчезла, и над Мадриной вновь нависало безэмоциональное чудовище с горящими бледным пламенем глазами.

На такое детского самообладания уже не хватило.

«Пожалуйста!»

Мадина опустила голову, хотя изо всех сил старалась смотреть в лицо похитительнице Азиса, но слёзы беспомощности возобновились. Мальчик тем временем вскочил с кровати и собирался броситься к сестре, но Тёмная, даже стоя к Азису спиной, остановила его – жестом, медленным и жутким. Даже приветственный крик, готовый вырваться наружу, застрял в горле.

Неужели *она* заколдовала и Азиса тоже?

В одном из соседних номеров сонно зажётся свет. Времени на раздумья не оставалось, и Анна вцепилась в запястье девочки и рывком втащила её внутрь. Дверь за спиной Мадриной захлопнулась, а сама она сразу же угодила в жаркие объятия младшего брата. Мадина почувствовала, что по её продрогшему телу мягко разлилось тепло. На веки словно упали комки ваты, и невероятно сильно захотелось пристроить щеку на макушку маленького братика – и заснуть. Пусть даже и стоя.

Однако для мира и покоя время ещё не настало. Вспомнив, где она и почему, Мадина резко обернулась. Ведьма стояла между детьми и выходом.

«Два ребёнка. Их исчезновение создаст проблемы, – размышляла Тёмная, не обращая внимания на Мадину, в глазах которой страх мешался с отвагой. – С другой стороны, работа ещё не закончена...»

«Возьми меня вместо него».

Вздрыгнувшая от собственной мысли Мадина снова опустила голову, готовая принять любую незавидную участь на себя. Азис, изо всех сил вцепившись в сестру, старался оттащить её подальше от жуткой женщины.

Анна, похоже, поняла, о чём подумала девочка. Она приблизилась к детям и наклонилась к Мадине.

– Вы мне не нужны, – бесцветно прошелестела Тёмная и прикоснулась к тонкому горлу девочки. – Когда всё закончится, ты и твой брат сможете уйти. Сидеть тихо и ждать! – Анна ушла к столу.

Мадина почувствовала, что спазм, не позволявший говорить, начал ослабевать. Чувство *ватного*, подавленного звука вокруг как будто тоже проходило. Она осторожно попробовала обратиться к брату, но вместо имени изо рта раздался сухой кашель. Звучный кашель!

– Ты меня... ты меня слышишь? – Азис коротко кивнул в ответ на сиплый шёпот сестры.

Глаза Мадины блеснули от радости, и она невольно усмехнулась.

Тем временем Тёмная Анна готовила в каменной ступке некую смесь, похожую на молотый красный перец. Дети перевели взгляд на спину женщины.

Книги и большая часть прочего содержимого Сардорова чемодана уже были на кровати, в то время как на столе лежали противогаз и туристическая горелка.

Мадина не могла видеть лица своей мучительницы, но была уверена, что ведьма улыбается.

Накопившаяся за день усталость взяла своё: едва Сашина голова коснулась подушки, тот уже с трудом мог пошевелиться. Шум проточной воды и звук, с которым Алина прочищала нос в ванной, терялись в зыбком мареве дремоты. Втайне жалея, что не пошёл на прогулку в одних трусах, Саша кое-как стряхнул с себя шлёпки и попытался освободиться от шорт с майкой, но запутался в процессе.

«Ну и чёрт с ними!» – мелькнула в голове мысль, и веки, тяжёлые как крышка крипты, закрылись, погрузив парня в плотную темноту.

Время потеряло значение: что пять секунд, что десять минут...

Запах то ли стирального порошка, то ли хлорки жёг ноздри. Морщась, Саша приоткрыл глаза, ожидая увидеть под боком контуры Алины: должна же та рано или поздно успокоиться и лечь спать! Увы, под боком лежало лишь одеяло. Под другим боком тоже было пусто. Тусклый свет пробивался сквозь полупрозрачное мозаичное оконце в двери ванной комнаты.

– Ты так себе нос до мяса прочистишь, – зевнул Саша и, решив всё-таки разобраться с шортами, потянулся к ширинке.

Вдруг Саша понял, что не только его пальцы снуют по бёдрам. Ловкие, почти бесплотные пальцы тоже пытались нащупать молнию и освободить парня от тяжкого груза. Встрепенувшись, Саша сфокусировал зрение. Слабый свет из ванной вычерчивал силуэт, напоминавший голову и плечи Алины. Волосы стоявшей на коленях девушки касались голени специалиста по сближению кроватей, пока руки медленно, но верно стягивали шорты.

– Не думал, что ты решишься, – повеселевший Саша мягко ухватился за плечи подруги, чтобы помочь вскарабкаться на кровать.

Но Алину, похоже, мало интересовало что-то, кроме содержимого Сашиных трусов, которые уже показались из-под джинсовой ткани и обнажили красную полоску кожи, всё это время скрывавшуюся от посторонних глаз под тугой резинкой.

В предвкушении Саша опустил ладони на затылок пассива.

Свисавшие со лба Алины пряди скрыли от глаз Саши дальнейшие манипуляции девушки, так что теперь он всецело полагался на свои тактильные ощущения.

И они его не разочаровали. Восклицания слетали с губ, пока руки, начавшие было гладить шелковистые волосы подруги, сползли на простыни. Казалось, почти вся кровь, которой полагалось циркулировать по телу, перетекла в член. Саша почувствовал, что превратился в белёсую студенистую массу, желеобразный кисель, и его легко поддевают изогнувшимся языком, словно десертной ложкой.

– Сладко, – донеслось до ушей со стороны Алины.

– Наслаждайся, ласковая моя... – простонал парень, терзаемый возбуждением, – ха-ах, ещё чуть-чуть... – и вцепился в края кровати.

Губы девушки аккуратно, но плотно сомкнулись на плоти, и напряжение вдруг спало. На секунду появилось ощущение, как при вхождении в воды тёплого Чёрного моря: зуд, словно солёная влага чуть пощипывает из-за микроскопических трещин на коже. А затем тело ниже живота онемело.

«Что-то не так».

Саша открыл глаза.

Первым, что он увидел в полумраке, оказалось заполнившее комнату красное марево. Отблески уличного света в глазах Алины делали её взгляд похожим на взгляд оленя, внезапно выросшего перед машиной посреди ночи: столь же бессмысленный и жуткий. На стенах плясали бесплотные тени. Камень потерял свою вечную неизменность и покрылся рябью. Она сползлась в волнующиеся сгустки, и те меняли свою форму, выпирали из стен, словно нечто материальное.

Ткань мироздания истончилась, и из будто бы жидкого камня выступили лица. Гримасы отчаяния, похожие на отлитые из глины формы, проминали стены и становились всё более выпуклыми. Десятки голов смотрели перед собой ничего не видящим взором, и, казалось, силились закричать: Саша почти слышал замогильный вой стен.

Алина подняла голову и наклонила её набок. Её пухлые щёки казались пухлее прежнего. Тревога, до сего момента смутная как в сюрреалистическом сне, теперь проклёвывалась наружу сквозь потрескавшуюся скорлупу дремоты. Промежность онемела. Глаза Саши медленно опустились, ибо он боялся того, что мог увидеть.

Понадобилось ещё несколько мгновений, чтобы парень поверил своим глазам: он стал похож на Кена, парня знаменитой куклы Барби.

Алина сглотнула.

Ужас смешался с горьким чувством обиды, и Саша не смог закричать; из его дрожащего горла вырывались лишь всхлипы, а глаза заслезились.

«За что ты так со мной?»

Девушка облизнулась. Чуть отодвинувшись от Саши, Алина взглянула на свою правую руку. Даже завывания голов на стенах не могли заглушить мерзкий звук рвущейся кожи, с которым ухоженный ноготь на указательном пальце разросся в уродливый коготь, окрашиваясь кровью у корня.

Дождавшись, когда коготь, естественное оружие, выступил из пальца на сантиметр или больше, Алина уперлась им в лобок *теперь-уже-не-парня*. Саша ощущал боль как сквозь деревянную дощечку, словно ему *туда* ввели анестетик. Кровожадная бестия не останавливалась на достигнутом; когда в тело упёрся кулак, Алина с трепетом вынула окровавленный палец и,

хищно сверкая глазами от брызнувшего ей на грудь кровавого фонтана, с видимым наслаждением облизала его.

Трясаясь от горя, Саша повернулся на бок и закрыл лицо руками. «Не реветь при девчонке» – больше в нём от мужественности ничего не осталось.

– Бедный Саша! Надеюсь, тебе не очень страшно.

Измотанная борьбой с заложенным носом Алина вернулась в спальню и обнаружила, что та сильно преобразилась: тумбочка очутилась в углу, а две узкие кровати сдвинулись в одну широкую, двухместную. И на этой двухместной кровати лежал Саша. Глаза его были закрыты, лицо напряжено, а брюки приспущены. Ночь нельзя было назвать совсем уж тихой; пока Алина разбиралась со своим носом, снаружи занялась какая-то возня, – но до ушей девушки всё равно донёсся... скулёж?

«Это что же такое должно присниться, чтобы такой храбрец как Саша скулил во сне?.. Ой, да он ещё и описался!»

Из ступора Алину вывел пронзительный визг, она вышла из номера, чтобы посмотреть, что же за балаган развернулся во дворе.

Ночь встретила туристку шумом и криками: отель стоял на ушах. Во всех окнах горел свет, где-то со звоном бились стаканы и зеркала; в отворённые настежь ворота неслись постояльцы в неглиже и работники ночной смены. Хозяйская чета замерла, прижимаясь спиной к стене между прачечной и кухней. Из распахнутых дверей валялись клубы красного то ли пара, то ли дыма. А распахнутыми оказались практически все двери – кроме одной. К ней Алина и направилась, сама не зная зачем. Может быть, за ответами.

По мере того, как девушка приближалась к цели сквозь обжигающий ноздри воздух, реальность обрастала всё более и более жуткими деталями. Тени на стенах обернулись гигантскими комарами, что кружили над хозяевами, готовые в любой момент напасть. Лицо повара, с воплем ретировавшегося с кухни, напоминало пережаренную пищу. От его рук валял дым, а сами они шипели, словно жирное мясо на сковороде.

Горничная, заметив появление нового участника безумного кордебалета, взвизгнула и ткнула пальцем в сторону Алины. Но та, казалось, не верила своим глазам: не ощущая запахов, она как будто не чувствовала и страха. Мир вокруг был странным и гротескным, но каким-то ненастоящим.

Оказавшись перед манившей её дверью, Алина почувствовала слабый запах хлорки. Или средства от тараканов, не понятно. Губы сами собой растянулись в улыбке.

«Всё-таки не „ковид“!»

Туристка постучалась, и в том месте на двери, которого она коснулась, моментально образовалась заполненная слизью дыра, и из неё как по команде хлынули крошечные, но очень быстрые мохнатые пауки. За доли секунды они облепили всю дверь. В мыслях Алины сверкнуло короткое ругательство, но голова боится – руки делают, и девушка резко надавила на ещё не опутанную сетью тонких ножек ручку и потянула её на себя. Дверь поддалась.

К тому моменту, как Алина ввалилась внутрь, резкий запах дезинфектора уже окутал её с ног до головы и, возможно, впитался в одежду. Сердце девушки ёкнуло.

В глубине перепачканной кровью и желчью комнаты стояло человекоподобное существо. Его тело скрывал грязно-бурый балахон, а из спины торчали шипы и ребристые трубки, сходившиеся там, где на сером лице должен был быть рот – вместо него зияла кошмарного вида щель с сочащимся из неё гноем. Существо обернулось, и на Алину уставились бельма незрячих глаз. На усеянной обглоданными костями кровати, свесив кривые ноги, сидели существа

поменьше. Их шкуры были покрыты жёсткими волосами цвета болотной тины. Из приоткрытых пастей выпирали огромные жёлтые клыки.

Заметив Алину, твари на кровати замерли, а затем та из них, что покрупнее, встрепенулась и гаркнула на меньшую. Не успела Алина с округлившимися от ужаса глазами, податься назад, как маленькие чудовища спрыгнули с жуткого ложа и бросились к ней. Фигура в балхоне не шелохнулась.

Неудачный шаг – и Алина споткнулась о порог. Едва зацепившись за край дверной рамы, она чуть не приложилась затылком о каменный пол. Твари приближались. В ужасе, Алина закрыла лицо руками и отвернулась.

«Ма-а-а-ама-а!!!»

Однако вместо жестоких ударов когтями по мало прикрытому телу и беспощадных укусов, девушка ощутила лишь слабый, словно бы случайный толчок. Твари пробежали мимо неё, нырнув в свободное пространство в дверях, и почти моментально скрылись из виду.

Обернувшись, Алина увидела, что последний монстр уже направился к ней рваной походкой, посверкивая бельмами.

Во второй раз могло не повезти, и девушка, неловко переставляя ноги, вывалилась на улицу и бросилась наутёк.

Закрыв дверь на замок, Анна поправила противогаз и вернулась к столу. Из-за необходимости поскорее избавиться от детей, ей пришлось проводить испытания впопыхах и почти без подготовки. Тёмная не была уверена, что ей удастся покинуть Узбекистан и вернуться домой с таким... специфическим грузом, но кое-что можно сказать точно: книги, инструменты и реагенты, купленные у местного торговца специями, были настоящими. Предок Сардора действительно был практикующим алхимиком, достигшим в своих изысканиях немалых успехов.

Значит, Тёмной не придётся оставлять сбежавших детишек сиротами. По крайней мере, не в этот раз.

Тётушка Александра Зырянова

Я приехал к тетушке Мэриголд, чтобы скрасить ее последние дни, – хотя это чепуха, потому что, во-первых, тетушкой она приходилась моей матери, а во-вторых, ненавидела молодежь, поэтому визит молодого племянника, даже самого почтительного, ее не радовал.

Мне самому этот визит был в тягость. Помимо отношения тетушки, мне не нравится Аркхэм и дом, где проживает тетушка Мэриголд. Он очень старый, и хозяйка не озаботилась даже тем, чтобы провести в него электричество. Мебель в нем тоже старая, вся разохшаяся, полумрак, – так и хочется распахнуть все окна, чтобы впустить хоть немного солнца, но тетушка Мэриголд не желает об этом и слышать. Она, видите ли, боится сквозняков. Я гадал, почему она отбила нам телеграмму в Бостон, требуя моего приезда, наконец решил, что ей требуется сиделка (я изучаю медицину в Бостоне).

– Тетя Мэриголд, – сказал я после того, как мы поприветствовали друг друга – надо сказать, весьма формально, – вот подарки. Надеюсь, вам понравится.

– Книга, – буркнула тетушка. – Одна из этих непристойных книг, которые вы почитываете, да? Еще и за подписью женщины? В мое время дамы не позволяли себе...

– Ну что вы, тетя, – поспешно сказал я. – Это исторический роман, все благопристойно.

– А это еще что такое? Трикотаж?

Мама действительно передала ей отрез модного трикотажа.

– Ну да, – продолжала брюзжать тетя, – представляю себе мою дражайшую племянницу! В трикотаже, в траншейном пальто¹, в шляпе клошаров²... ужас! Джоселин совершенно не уделяла внимания ее воспитанию...

Я отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Кухарка, добродушная негрityанка по имени Топси, назвала меня «масса Чарлз» и подала обед, каких я не едал отроду.

– Пицца – это бесовская выдумка черномазых макаронников, – категорично заявила тетушка в ответ на мои робкие вопросы, – сырный соус излишество, а гамбургеры еда голодранцев!

Я поспешил согласиться, про себя прикидывая, где тут поблизости пиццерия. Не то чтобы мне не нравились эти старомодные сложные блюда...

– Тетя Мэриголд, а какой вы порекомендуете кинотеатр?

– Что? Ты что, потакаешь этим безумным зрелищам? – возмутилась тетка.

На мое счастье, у Топси был сын Джим, парень лет двадцати, который тоже называл меня «масса Чарлз», – он-то и указал мне и пиццерию, и кинотеатр.

– Вы только по ночам не смотрите на соседний дом, масса Чарлз, – сказал он под конец.

– Что не так с этим домом, Джим? Вы там складируете спиртное?

– Скажете тоже, – обиделся Джим, – я не бутлегер какой. А только там жила бабка хозяйки, и с тех пор там нехорошие дела творятся.

– Бабка? Это, получается, моя прапрабабка? Ух ты! А расскажи поподробнее...

– Будет вам, масса Чарлз, – перебила нас Топси, вернувшаяся из лавки. – Такой родней я бы на вашем месте не гордилась. Хотя хозяйка гордится. Вы, Мэйсоны, издавна своевольничаете, но в тот дом лучше не суйтесь, вот что я скажу, масса Чарлз!

¹ «Траншейное пальто» – тренчкот (длинное непромокаемое пальто или плащ свободного покроя с поясом).

² «Шляпа клошаров» – клоше, клош (дамская шляпка в форме колокольчика, модная в 1920-х годах).

Она относилась ко мне как к барчуку, а не как к гостю, и я волей-неволей начинал видеть в ней строгую няньку. Но Джима я таки припер к стенке, улучив момент, когда никого не было рядом.

– Да я и сам ничего толком не знаю, – сказал Джим, и выпуклые глаза его забегали. – Поговаривают, что старая леди, Кеция Мэйсон, с самим чертом зналась. Вы на тот дом не пяльтесь, а то возле него до сих пор иногда появляется черт в виде морской свинки.

Мне стоило труда не расхохотаться. Черт в виде морской свинки! А почему не броненосца?

– Хорошо, Джим, не буду я смотреть, – пообещал я, а сам, как только меня оставили в покое, побежал к забору и уставился на злополучный дом.

С островерхой крышей, одно время он сдавался, но сейчас стоял заброшенным. Сквозь грязные окна, половина из которых была выбита, виднелись ободранные обои...

«Ничего интересного», – подумал я, но, стоило мне отвернуться, как со стороны дома послышался невыносимо мерзкий писк.

Я с досадой повернулся и увидел что-то вроде морской свинки. Она собиралась юркнуть в заросли сорняков во дворе, но внезапно остановилась и уставилась на меня. Взгляд у нее был очень неприятный – так смотрят хищники на добычу. Я в ответ погрозил ей кулаком.

Ночью мне приснилась эта гадкая морская свинка.

Она кружила вокруг меня, будто примериваясь, а потом появилась согбенная древняя старуха в черном. Выражение лица ее, надменное и холодное, поразило меня. А потом они ушли куда-то, – я успел рассмотреть дом, к которому они направлялись.

Наутро я сходил в пиццерию, рекомендованную Джимом, а на обратном пути остановился как вкопанный. Я видел этот дом во сне! Старый, но подновленный хозяевами; во дворе виднелись качели и детские игрушки.

Сейчас во дворе рыдала женщина, а несколько других утешали ее. Из бессвязных возгласов несчастной я понял, что у нее пропал маленький сынишка.

По возвращению я услышал, как Топси разговаривает с молочником.

– Беда, – сказала Топси, – и ведь даже богатые семьи это не обошло!

– А я слышал, – понизив голос, отвечал молочник, – что хоть в том доме и нашли скелет Бурого Дженкина, то был не он! А он жив, и жива старая Кеция...

– Ох, не надо!

Они увидели меня и резко замолчали.

Вопреки советам Джима я снова взглянул на дом прапрабабушки, чтоб ей провалиться к дружку-черту! – туда как раз входил полисмен. Я запомнил его необычно светлые усы и волосы.

Следующей ночью я снова видел сон.

Надменная старуха и ее питомец окружили стол, на котором лежало что-то длинное. С другой стороны стола стоял какой-то неизвестный человек в черном. Внезапно я отчетливо рассмотрел на шее старухи странгуляционную борозду, какие нам показывали в морге во время практических занятий. Черная, сочившаяся темной кровью, она почти перерубала ее глотку.

Как человек с такой травмой мог находиться в сознании, да еще и резво двигаться? Тут я вспомнил, что это сон, – и проснулся.

На следующий день чуть ли не весь Аркхэм поднялся на поиски пропавшего малыша, а полиция без лишнего шума разыскивала некоего лейтенанта Смита.

– Этот Смит... он был блондин с усами? – спросил я, и внутри у меня все замерло.

– Да, – ответила Топси.

Я сразу же сложил два и два. Кто бы ни окопался в проклятом заброшенном доме, используя старые дурацкие суеверия, он убил и ребенка, и полицейского. По крайней мере, Смит оттуда не выходил.

Сейчас, в зрелом возрасте, я бы, конечно, просто сообщил в полицию, но в те годы, молодой и горячий, я мечтал о приключениях – вот и вздумал влезть в этот дом самостоятельно и найти улики, а то и, как знать, живых узников. Просить о помощи кого-либо мне было не с руки, судя по трепотне Джима. Но, поразмыслив, я все же переговорил с одним из полицейских, лейтенантом Коппелом, другом и напарником Смита.

– Вы думаете, он в заброшенном доме? О'кей, – этот толстый лысоватый тип будто говорил всем своим видом «Я не очень в это верю, однако ваш сигнал я проверю, так и быть». – Давайте завтра с утра, а то у нас рабочий день кончается...

Очередной сон был гаже предыдущих. Старуха, тетя Мэриголд, чертов зверек и человек в черном окружили тот самый стол, а затем сбросили с него простыню.

На столе лежал обнаженный и связанный лейтенант Смит!

Судя по многочисленным кровоподтекам, он подвергся жестокому насилию – может быть, сопротивлялся, а может быть, его и пытали. Однако он был жив и что-то мычал, несмотря на кляп во рту.

Тетя Мэриголд попыталась то ли урезонить остальных, то ли заступиться за полисмена, но старуха, при всей ее видимой немощности, с удивительной силой оттолкнула руки тети – и подняла огромный кривой черный нож над горлом несчастного лейтенанта Смита...

Проснулся я совершенно разбитым и больным. Сердце у меня колотилось, будто это меня должны были убить невесту за что.

Завтрак проходил в молчании.

– Тетушка Мэриголд, – заговорил я.

– Да, дитя мое?

Обычно меня раздражала ее манера называть меня «дитя» и «мальчик», – я-то знал, что ее бесит молодость, в том числе и моя собственная, но сейчас я не обратил на это внимания.

– Куда делся тот пропавший ребенок?

– А кто его знает, – вклинулась Топси.

– Если полиция не знает, то и мы не узнаем, – рассудительно заметила тетюшка.

– Но он же был в соседнем доме, да? Там, где старая Кеция, ее этот, как его...

– Бурый Дженкин, – подсказала Топси.

– Вот. И еще черный человек.

Тетушка уставилась на меня в каком-то паническом ужасе.

– Что ты такое говоришь, мальчик мой, – воскликнула она. – В соседнем доме уже лет десять никто не живет, после того, как там убили этого бедного студента! Как его звали, Топси?

– Мастер Джилмен его звали, мэм, – отозвалась Топси.

Ее черные глазницы навывкате так и буравили меня.

– Даже если бы кто-то похитил невинное дитя, злоумышленники нипочем не стали бы прятаться в доме, где произошло этакое злодейство, – убежденно заявила тетюшка.

На часах уже было без пяти девять. Я поднялся и вышел, выглядывая Коппела.

Он явился не один – с двумя детективами.

– Если уж проверять, то по всем правилам, – заявил он, похлопав меня по плечу.

Дверь оказалась запертой изнутри. Один из детективов высадил ее плечом. В нос ударил отвратительный запах – мы безошибочно распознали застарелую мертвечину. Однако выглядело все не только нежилым, но и нетронутым, разве что отпечатки пары мужских ботинок виднелись на пыльном полу. И тут нам послышался шедший откуда-то из глубины дома слабый стон.

Мы вбежали внутрь, и у меня оборвалось сердце.

Я видел эту комнату.

Видел черные свечи, расставленные вокруг. И нарисованную чем-то коричневым – Господи! это была не краска! – пентаграмму посреди пола.

Видел стол, похожий на медицинскую каталку.

Видел черный стеклянистый нож с изогнутым лезвием...

Коппел сорвал простыню в бурых пятнах со стола, а детективы в это время перерыли все вокруг, и один из них воскликнул:

– Вот он, лейтенант, я нашел его!

Он имел в виду пропавшего ребенка. Малыш был в глубоком обмороке, но жив, и Коппел немедленно командировал детектива к врачу. А на столе перед нами лежал обнаженный и связанный, покрытый кровоподтеками, лейтенант Смит.

Мы привели его в чувство. Серьезных повреждений у бедняги не было, но его жестоко избили; по-видимому, у него было сотрясение мозга, так как он плохо помнил случившееся.

– Я не помню, – ответил он на вопрос, что с ним стряслось. – Я шел сюда, искал ребенка, этого, который пропал... Потом не помню ничего!

Я захватил с собой флягу с запретным виски; поколебавшись, я достал ее и поднес к губам Смита – Коппел сделал вид, что ничего не заметил.

Тем временем Коппел и второй детектив обыскивали подвал, стараясь найти улики. Внезапно детектив пробежал мимо меня, зажимая рукой рот. Я встал и взглянул...

Я буду жалеть о том, что взглянул, до конца жизни. Ибо моя нынешняя хирургическая практика, конечно, подразумевает лицезрение тяжелейших травм, однако то, что я увидел, травмами не назовешь.

В больших коробках из-под мебели были аккуратно уложены человеческие тела, в основном детские, однако я заметил и несколько взрослых. Каждое из них было изобретательно расчленено, однако просматривалась закономерность: у всех жертв удалили глаза, половые органы, пальцы рук и ног. Далее, у каждой была вскрыта грудина.

Неведомые злоумышленники вырезали странные и сложные фигуры на телах несчастных. В этом тоже была некая последовательность, а сами фигуры напомнили мне знаки, подчас являвшиеся в страшных снах, как если бы некто писал кровью и болью определенное послание... кому?

– Видел я уже такое, – буркнул Коппел. – Верно, Уэйтли?

– Точно, – подтвердил детектив. – Когда мы нашли мертвыми Розы Хопкинс и Долли Джойс.

– И когда мы нашли труп этого младенца, Хоппера, – подал голос Смит и закашлялся. – У него было... вырвано сердце, – проговорил он сквозь кашель.

– Так и у этих, – морщась, сказал детектив.

Он приглядывался к трупам, зажимая нос. Многие из тел уже порядком разложились, и в них копошились опарыши, а от смрада можно было сойти с ума.

– Поднимаемся, – заторопил нас Коппел. – Надо сообщить...

Смит вышел из проклятого дома и вдруг пошатнулся, и упал на колени.

– Старая миссис Мэйсон, – прошептал он.

– Что? Она вас видела?

– Нет. Она хотела меня спасти...

– Миссис Мэриголд Мэйсон? Моя тетьа? Вы точно ничего не путаете?! – взволнованно вскричал я.

– Да. Она просила не убивать меня... Она даже хотела забрать нож у той старухи...

– Достоянная леди, – сказал Коппел. – Остается только узнать, как она-то попала в эту компанию.

У меня мелькнула безумная догадка, что дело в ее родственных связях с Кецией Мэйсон. Но кто же был человек в черном? И что это был за неприятный зверек с такими злыми глазами?

Я толкнул дверь тетушкиного дома – и окунулся в шум, рыдания и беготню.

– Ваша тетушка, масса Чарлз! – воскликнула Топси, выбежав мне навстречу. – Она скончалась!

Тетушке было под девяносто, и я никогда не испытывал к ней теплых чувств, однако в тот момент у меня слезы брызнули из глаз.

Я задержался в Аркхэме, чтобы уладить дела с наследством; как выяснилось, тетушка Мэриголд завещала дом и все свои накопления одному мне, что меня несказанно удивило. Лучше бы она этого не делала! Я бы тогда не узнал, что случилось со всеми, с кем я познакомился в Аркхэме.

Мальш, спасенный нами в проклятом доме, умер в больнице.

Спустя несколько дней умер от инфаркта и несчастный лейтенант Смит.

Детективы, сопровождавшие нас, погибли через месяц – автомобиль, в котором ехали оба, столкнулся с поездом. За рулем сидел лейтенант Коппел...

Этого было достаточно, чтобы закрыть дом, договорившись с добрейшей Топси о присмотре за ним, и уехать домой. Я бы облегченно вздохнул и забыл обо всем, как о страшных снах в доме тетушки, но вскоре мне пришло письмо от Джима. Он сообщал, что его мать, Топси, умерла от дифтерита, и спрашивал, следует ли ему принять ее обязанности. Я ответил, что нет.

Прошло семь лет. С тех пор я ни разу не бывал в Аркхэме. Медицинский колледж я закончил, имею хирургическую практику и был бы доволен жизнью, если бы не одно «но».

Во-первых, недавно мне сообщили о гибели бедняги Джима.

А во-вторых, с некоторых пор мне снова стали сниться сны, подобные тем, что я видел у тетушки Мэриголд. Я вижу сторбленную надменную старуху и ее злобного питомца – Бурого Дженкина, вижу черного человека. Вижу комнату, уставленную черными свечами, и нарисованную кровью пентаграмму на полу. Иногда я вижу, как делаются эти свечи, – как старуха и зверек выкапывают свежие трупы на кладбище, перетаскивают их в дом, подвешивают над жаровней и вытапливают жир, собирая его в каменные плоскости...

Некоторое время я утешал себя тем, что после виденного в доме ведьмы мне и должны сниться кошмары.

Но сегодня Бурый Дженкин поднял свою крысиную голову и уставился злыми глазками прямо мне в глаза.

Завещание я написал. Заменить меня в моей клинике есть кем.

Буду ли я зарезан обсидиановым ножом или умру смертью, похожей на естественную? Будет ли мой труп похищен с кладбища? Будут ли из меня вытапливать жир или вырвут сердце из груди, чтобы принести его в жертву под руководством Черного Человека?

И долго ли мне еще ждать конца?

Сияние Андрей Скорпио

С доктором Берни МакМиланном я познакомился много лет назад, когда попал практикантом в больницу св. Иосифа. В первый же день я вручил ему письмо от отца, который когда-то пожертвовал немалые деньги на развитие больницы.

– Ах, мой мальчик, – вздохнул доктор, усадив меня в своем личном кабинете и налив вина, – как жаль, что мистер Джейкоб разорился. Во всем виновата его идея торговать с Индией, я прав?

– Отчасти, сэр, – я пригубил напиток, – пара неудачных сделок сильно расстроили наше благополучие, но последним ударом была гибель «Виктории» во время шторма.

– Чудесный был корабль, – доктор сочувственно покачал головой, – Джейкоб так им гордился. Сколько лет прошло с тех пор? Пять?

– Семь, – поправил я.

– А вы, значит, решили пойти по стопам дяди и стать ученым?

– Меня всегда занимала природа разума, – осторожно ответил я.

– Осмелюсь предположить, что на ваше решение повлияла семья? – видимо, на моих щеках вспыхнула краска, поскольку доктор тут же смутился. – Простите, я... не думал, что эта тема...

Повисло неловкое молчание.

– Все нормально, – я мысленно выдохнул, – прошло уже больше десяти лет.

– Джейкоб рассказывал о вашей матушке.

– Первопричина кроется в ней. Говорили, что дело в наследственности, но я в это не верю.

– Во что же вы верите? – спросил доктор.

– В причину, следствие и логику.

– И не допускаете ни одной мысли, что что-то может скрываться за пределами рациональной науки?

– Именно так! – последние слова я произнес с вызовом.

Доктор лишь усмехнулся.

Практика оказалась вовсе не такой, как я себе представлял во время учебы. Я перебирал бумажки, проверял картотеки и приводил в порядок архив. Доктор МакМиланн работал больше других. Он часто задерживался по вечерам, штудировал карточки больных или выискивал новые методики лечения. Признаюсь, я находил в его работе то упоение, к которому стремился сам.

Стремление подражать МакМиланну омрачалось лишь двумя вещами. Первая – доктор никогда и никого не подпускал к маленькому книжному шкафу у себя в кабинете. Как-то мельком я увидел там пузатые, словно разбухшие от воды, древние фолианты. Названия их почти стерлись, однако некоторые я узнал. Странно было видеть в кабинете умудренного опытом психиатра древние «Стансы Цзяна» или «Тайны Червя» или зловещую «Черную книгу».

Вторая странность заключалась в том, что доктор подолгу сидел в кресле во время грозы. Он раскрывал окно и, глядя на яркие всполохи, прорезающие тьму небес, уходил глубоко в себя. Длилось наваждение недолго. Когда молнии утихали, МакМиланн встряхивал головой, словно отгонял морок, закрывал окно и наливал вино.

Рутинная бумажная работа продлилась около года. Несмотря на доброе ко мне отношение, в профессиональной сфере МакМиланн был крайне требователен, занудлив и не терпел противоречий. В воскресный день мы пили вино, а уже на следующее утро доктор топал ногами из-за совершенно нелепой ошибки, допущенной мною от невнимательности.

Постепенно я из простого практиканта перерос в помощника и заместителя доктора. МакМиланн охотно делился со мной опытом и знаниями. Все больше наши, уже не такие редкие, вечерние беседы вращались не вокруг моей родни или морской торговли, а переходили на научную тематику.

– Социум! – горячился доктор, покраснев от лишней порции вина. – И общее дело – вот, что нужно в большинстве случаев! А не эти ваши... средневековые методы!

– Позвольте заметить, что в ряде случаев они помогли, – не отступал я, – прогрессивный метод лечения истерии избавил многих женщин от страданий.

– Пусть так, но что творили и творят эти, с позволения сказать, докторишки? По-вашему, обливание водой или розги тоже помогают несчастным?

– Не всем, – уклончиво произнес я, – но в ряде случаев видна и положительная динамика. МакМиланн фыркнул и отмахнулся.

– За столько лет практики я видел многое, – он с тревогой глянул в окно: по небу плыли темные облака, предвещая непогоду, – и понял, что никакое физическое насилие не изменит духовного состояния человека.

– В исключительных случаях всегда есть... особые методы, – я выдержал паузу, – известные с давних времен. Трепанация.

– Я так и знал! – вскричал он и всплеснул руками.

– Конечно, подобное лечение ужасно, но...

– Никаких, но! Те, кто пошел на поправку не идут ни в какое сравнение с сотнями и тысячами страдальцев, вынужденных коротать свой век, изгаживая простыни и роняя еду на пол, даже не в силах ее удержать!

МакМиланн с шумом поставил бокал и вытащил из письменного стола толстую тетрадь.

– А теперь полюбуйтесь, к чему привели мои методы! У половины пациентов улучшение, другие полностью излечились!

– Полагаете, что тот, кто считает себя слоном, пойдет на поправку от простого общения? – я усмехнулся.

– Не думайте, что я настолько глуп, чтобы уповать только на разговоры и игнорировать опыт профессоров в данной области. И все же, простой разговор имеет не меньшее влияние на здоровье пациента, чем удача псевдонаучных методов. Каждый из нас к чему-то стремится, часто подсознательно.

– К чему же стремится убийца?

– Быть услышанным, – видимо на моем лице отразилось непонимание, – у каждого есть цель. Когда что-то мешает достичь ее – нечто инородное или врожденное – то духовное стремление не получает того, что хочет. Такой диссонанс с миром грез и реальностью часто приводит к нарушениям. По сути, убийца в состоянии аффекта и разорившийся торговец, который сошел с ума – есть разные грани одного и того же состояния.

– И их обоих излечат простые разговоры, – подытожил я.

МакМиланн недовольно посмотрел, видимо заподозрив в моих словах скрытый сарказм.

– Нет. Хотя общение и является ключевым в лечении, я также применяю некоторые... духовные практики. Порой сознание скрыто слишком глубоко, и коснуться его обычным методом не представляется возможным.

– Доктор МакМиланн, – деланно возмутился я, – уж не хотите ли вы сказать, что занимаетесь шаманством?

К моему огромному удивлению он не стал спорить.

– Отчасти. Когда не помогает гипноз, то приходится заходить куда глубже. Там, где границы между нашим миром и тем, что мы не видим, размыты.

Я отказывался верить, что столь умный человек на деле является простым язычником.

– Понимаю ваши сомнения, – словно прочитав мысли, произнес МакМиланн, – когда-то я тоже слепо верил в науку и логику. Предыдущий главный врач больницы – мистер Бернхайм – мой наставник – был отличным специалистом, но, увы, слишком узко мыслящим. И я бы стал таким, если бы не один случай около тридцати лет назад.

Где-то вдалеке прогремел гром. Мне показалось или в глазах доктора промелькнул страх?

МакМиланн покачал головой, посмотрел на часы и заявил:

– Ба, как поздно! Прошу прощения, но продолжим в другой раз. Готовьтесь, мой дорогой, завтра я продемонстрирую вам свой метод!

Методы лечения доктора сильно отличались от тех, которые я изучал. Мы закрылись в небольшой комнатке с двумя пациентами. Разложив свечи и благовония, этот убеленный сединами эскулап бормотал странные фразы, переходящие в песнопения. Книжки, которые он взял из шкафчика, пестрели незнакомыми и пугающими символами. Я со скептицизмом наблюдал, как один за другим больные впадали в транс, а затем диким гортанным голосом кричали о своих страхах. Удивление сменилось вниманием, а затем любопытством.

Что же мешало всегда применять такие практики?

Ответ доктор дал тем же вечером:

– Общество часто стояло на пути прогресса. Древние передавали знания, используя секреты и шифры. Но со временем, ушедшему вперед человечеству стали неинтересны тайны прошлого. Знаний стали бояться и презирать. Помните мистера Берроуза из больницы св. Хьюза в Нью-Гемпшире? Он совместил лекарство и давление на пациента. Три года экспериментов, из двадцати больных четверо полностью поправились. И что? Где теперь наш доктор? В соседней палате с остальными. Люди боятся нового.

– И все же, вы используете свои методы.

– Нечасто, мой друг, – усмехнулся МакМиланн.

– А вы не боитесь, что, открывшись мне, вы поставите себя под удар?

МакМиланн вздохнул.

– Может, я просто устал, а может, увидел в вас родственную душу.

– Или сказали лишнего за бокалом вина, – улыбнулся я.

МакМиланн неожиданно расхохотался.

– Вы правы.

– И все же, я не могу понять. Вы – человек с большим опытом, автор нескольких трудов и... все эти духовные практики...

– Вы наградили меня многими регалиями, но все они ничто в сравнении с истиной. Ах, если бы вы знали то, что узнал я, когда поднимался на Пик Дьявола. В тот день вера в логику нашего мира лопнула, как мыльный пузырь. И пусть я ограничен стремлением докопаться до истинной причины заболевания моих пациентов, но, видит Бог, пути, ведущие за пределы наших ощущений и восприятий не для смертных.

В тот вечер вновь прогремел гром, и доктор испуганно оглянулся. Однако, я был настойчивее и сказал, что не уйду пока не узнаю, что же именно так изменило моего наставника. В конце концов, доктор сдался.

Сейчас, спустя тридцать лет, отдаленный портовый городок Уэлш сильно разросся, но в тысяча восемьсот девяносто девятом году он был простым рыбацким поселением на одном из островов к востоку от материка. Торговые суда иногда заходили, чтобы купить недорогую рыбу, а раз в неделю пароход мог отвезти желающих в Бостон, дабы те могли прокатиться на трамвае или увидеть первую в стране подземную железную дорогу. С южной стороны остров

зарос деревьями, а на севере оканчивался высокой горой, вершину которой прозвали Пиком Дьявола.

Все началось с сильнейшей грозы. Черное небо накрыло городок, заставив жителей в панике попрятаться по домам. Молнии прорезали небеса так ярко и часто, словно наступил Судный день.

Берни МакМиланн был тогда юным практикантом. Гроза застала его за чтением. Берни устало потер глаза, и чтобы отвлечься уставился в окно. Больница Св. Иосифа стояла на возвышенности, откуда открывался вид на городок.

Чаще всего, и это сразу показалась Берни странным, всполохи мелькали над Пиком Дьявола. Иногда казалось, что змеевидные разряды доходили до земли, а иногда, что облака принимали форму странной мифической твари. Берни на мгновение померещился кит.

На следующий день по Уэлшу пролетела новость. Братья Сандерсы, что жили на горе в охотничьем домике, утром обнаружили разрытую землю. Джозеф, один из братьев, клялся, что это сделали светящиеся человечки. Сандерсы были недалекими, даже отсталыми в развитии верзилами. Они охотились в лесу, а пару раз в месяц спускались на рынок и обменивали вяленое мясо на предметы быта.

В городе редко случались события, поэтому бургомистр лично решил посмотреть, что же приключилось на горе. За ним увязались Бернхайм, Берни и несколько зевак.

«Светящиеся человечки» – были, несомненно, молнии. Видимо в земле было нечто, что их притягивало, ибо неподалеку от домика зияло множество ямок.

Питер, второй брат, угрюмо молчал, ковыряя землю носком ботинка. Из двоих Сандерсов именно он показался Берни более разумным.

Когда власти удовлетворили любопытство и уже собрались уходить, мимо пробежала кошка. Она запрыгала по ямкам и вдруг... провалилась под землю. Народ так опешил, что все с минуту молчали. В тот момент у Берни почему-то даже мысли не мелькнуло об опасности. Он до безумия обожал животных, поэтому подбежал к ямке и сунул руку внутрь, в надежде вытащить испуганную кошку. Но пальцы ощутили... пустоту.

Тогда впервые выдвинули предположение, что под верхним слоем земли есть необнаруженная доселе пещера.

Бургомистр связался с геологическим обществом и уже через день городок посетили ученые. Само по себе открытие пещеры не являлось чем-то очень важным, но ученых интересовало то, что притягивало к себе молнии.

Власти предоставили рабочую силу и вскоре общими усилиями вход в пещеру обнаружили. Подобное стремление было понятно: если в горе скрыто месторождение полезных ископаемых, для Уэлша открывались огромные перспективы. Однако, не все жители радужно воспринимали находку. Кто-то в страхе крестился или недовольно бурчал под нос. Мол, что скрыто от глаз, должно оставаться скрытым.

И все же, спустя две недели группа ученых пробилась через камни у подножия горы. В ту группу вошел и Берни. Его наставник был членом совета. Бургомистр доверял Бернхайму и настоятельно просил именно его принять участие в экспедиции.

Двенадцатого апреля пятеро ученых, мистер Бернхайм, Берни МакМиланн, несколько рабочих и братья Сандерс вошли вглубь пещеры. Последних никто не приглашал, но никто и не прогонял.

Открывшееся перед людьми пространство ошеломляло своими масштабами. Через выбоины с потолка струился мягкий свет взошедшего солнца. Его вполне хватало, чтобы осмотреться. Стены пещеры испещрили трещины, проглядывал мох. Несмотря на довольно жаркий день, внутри было очень холодно и сыро. Земля под ногами оказалась влажной, кое-где виднелись лужицы странного белесого цвета.

– Вероятно, под нами протекает река, – предположил один из ученых.

Дорога уходила вверх. Пещера сужалась, переходя в длинный коридор.

Первую странную находку сделал Берни. Он заметил, как солнечный свет чуть искажается и принимает разные цвета. Синий, красный, золотой... все они переплетались в удивительный узор, идущий по периметру пещеры.

Предположения сыпались со всех сторон, но ни одно не находило подтверждения.

– Светящиеся человечки! – вдруг громко вскрикнул Джозеф.

Берни вздрогнул. Питер мрачно покачал головой и прислонился к стене, а доктор Бернхайм с сомнением посмотрел на младшего Сандерса. Может, стоило увести его?

Подъем длился не менее получаса, когда коридор совсем сузился и закончился узким проемом. После недолгих препирательств решили продолжать путь, оставив часть оборудования, пузатые рюкзаки и мощные фонари на треногах. Также, оставили пару рабочих, двух ученых, мистера Бернхайма и Питера Сандерса. Как ни старались, они не смогли протиснуться в проход.

Поредевшая группа шла медленнее. Потолок нависал, почти касаясь головы. Берни шел первым, как самый худой, а замыкал процессию Джозеф, постоянно бормотающий что-то о светящихся человечках.

Коридор закончился неожиданно и привел в небольшую нишу с мерцающей посередине точкой. Вокруг нее были изображены столбики. Разноцветные линии, словно нити паутины, пересекали точку и тянулись к столбикам. От верхнего левого к нижнему правому, от верхнего правого к нижнему левому. Центральные столбики тоже пересекала линия.

«Это не может быть природным образованием», – мелькнуло в голове у Берни.

Судя по удивлению ученых, не только он об этом подумал. Пока раздумывали, как разломать стену и пройти дальше, Джозеф всех растолкал и ткнул пальцем в мерцающую точку. Столбики замерцали, а каменная стенка покрылась трещинами и развалилась.

– Откуда ты узнал? – посыпались вопросы.

– Светящиеся человечки. Они приходили во сне. Они показали.

Джозеф, несомненно, тронулся рассудком.

Пройдя через обрушенную дверь, группу ждало новое шокирующее открытие. Пещера перешла в огромный каменный мешок. Свет солнечных лучей мерк перед невообразимым сиянием тысяч грибов. Росшие в каменных нишах, они странно покачивались, словно наслаждались неслышимой для людей мелодией.

Но более всего экспедицию поразили шесть высоких заостренных монолитов-колонн. Каждая имела странную форму и на каждой были рисунки, которые не походили ни на что, виденное Берни ранее. Внизу виднелись домики, а вершину венчали зигзагообразные линии, в которых угадывалось карикатурное сходство с человеком.

Кроме колонн рисунки украшали и стены пещеры. Что-то странно екнуло в груди у Берни, когда он увидел изображение огромного кита, окруженного облаками и зигзагообразными линиями.

– Светящиеся человечки! – Джозеф вприпрыжку бросился к колоннам, опустился возле одной из них на колени и обнял.

Берни понадобилась помощь, чтобы оттащить дурачка в сторону и связать руки, так удачно прихваченной веревкой.

На обследование пещеры и колонн ушло несколько часов. Перед этим Берни вернулся назад и вкратце рассказал о находке.

Бургомистр выделил для ученых один из служебных домов, тогда как Берни и его наставник вернулись в больницу. Джозефа и его брата решили пока оставить в покое. Тем более, что младший Сандерс после выхода из пещеры вел себя гораздо спокойнее.

Почти до ночи Берни с наставником обсуждали открытие и строили предположения касательно монолитов. Ясно было, что именно они притянули молнии.

– Это изменит мир, – вдохновенно вещал Бернхайм, поднимая бокал с вином, – нам довелось оставить след в истории.

Берни не разделял восторга учителя. Он помнил реакцию дурачка Джозефа и его раболепствование перед монолитом. Что, если неизученный материал колонн как-то влиял на сознание?

Спал МакМиланн плохо. Ему снился Джозеф, иступлено плясавший возле монолитов и то и дело выкрикивающий: «Светящиеся человечки!». А где-то высоко в небе мелькали всполохи молний, освещая очертания огромного кита.

Следующие несколько дней ученые пытались достать монолиты из недр пещеры. Распилить или разобрать находку было невозможно. Камни не брала ни пила, ни шахтерская кирка, ни кислота. От идеи взорвать вход тоже отказались – в случае ошибки мог начаться обвал и пострадать городок. Тогда один из ученых мужей, изучив гору, предложил долбить выход через верх.

После двух дней работы возле домика Сандерсов образовался широкий разлом. Ученые установили механизмы и с помощью канатов попытались поднять камни.

Скоро все шесть монолитов подняли на поверхность. И тут произошло еще одно открытие: чем выше поднимались камни, тем легче они становились. И если сначала требовались усилия десяти человек, то последние пару метров с монолитом легко справлялся всего один. Этот факт породил целую череду споров, понять которые Берни не особо пытался, ибо мало что понимал в геологии.

После долгих разговоров решили оставить камни возле домика, чтобы затем организовать их перевозку и доставку на материк. Однако, на следующее утро монолиты исчезли. Почти сразу выяснилось, что также исчезли и братья. Никто не сомневался, что именно Сандерсы похитили монолиты. Возможно, братья хотели продать их.

Две недели поисков не принесли результата, и люди вернулись к своим делам.

Каждую ночь небо заволакивали тучи, и яркие всполохи очерчивали небо. Большинство из них мелькало над Пиком Дьявола. Станным было почти полное отсутствие грома, а приходивший под утро дождь был таким вязким, что лужицы больше походили на желе, чем на воду.

Вскоре ученые покинули городок, а вход в пещеру заколотили как могли.

Грозы и дожди стали частым явлением. Самые суеверные говорили, что это монолиты навлекли непогоду. А затем произошло новое явление. Из земли стали вылезать побеги невиданных растений. Первым их обнаружил мальчишка-посыльный и рассказал Берни.

Растения немного напоминали грибы, найденные в пещере. Станные зеленоватые отростки заканчивались вытянутыми шляпками. Берни надел перчатку и дотронулся до гриба. На руку брызнули белые капли. Чем-то они походили на желеобразные капли дождя.

Разумеется, странные соседи взбудоражили жизнь Уэлша. Чем только паразитов не пытались извести. Огонь, лопата, даже кислота – все оказалось бесполезным. Растения сильно дымили, при этом издавая чудовищно громкие свист и визг. Стоило выкопать один сорняк, как на его месте за ночь вырастали еще три.

Постепенно «грибы» покрыли почти весь городок. По ночам растения светились зеленоватым светом, а к утру выделяли капли, что вкупе с наступлением прохлады погрузило городок в туман. Из-за сырости начались болезни. Даже сквозь закрытые окна и двери домиков постоянно доносился кашель. Медикаменты не помогали. Небо затянули тучи, сквозь которые почти не показывалось солнце.

Бургомистр обратился за помощью в Бостон. Приехавшие специалисты разводили руками. Несколько образцов были доставлены в институт для изучения, а пока что людей призывали держаться в надежде на скорое разрешение возникших проблем.

Очередная напасть произошла утром десятого октября. Отправившись на рынок, Берни наткнулся на толпу зевак. Он подошел ближе и увидел кошку, зажатую в угол. Больше всего

доктора поразило не странное свечение шкуры животного и даже не зеленоватые наросты возле глаз и ушей. Берни узнал в ней несчастную, которая провалилась под землю. Он не мог ошибиться, ибо запомнил косой шрам и чуть оттянутую губу, обнажавшую один из клыков.

Люди шептались между собой, указывая на зеленую проказу. Кто-то схватил палку, намереваясь забить беднягу, но тут кошка сжалась и резко прыгнула вперед. Толпа ахнула. Оказавшись на свободе, кошка стремглав бросилась наутек. Берни задался вопросом – уж не болезнь ли придала беглянке такую скорость и прыть?

Весь день люди искали кошку, но ее как ветром сдуло. Зато на следующий день нашли несколько крыс. Сквозь их шкуру пробивались едва заметные стебельки со шляпками на конце.

Испугавшись, бургомистр издал указ истреблять любое пораженное «зеленой проказой» животное. Но как жители ни старались, а за неделю удалось убить лишь с десятков мышей, да старую кобылу.

Кроме заражения живых существ, люди все чаще стали замечать, как сельскохозяйственные растения также покрывались странной зеленью. Привкус гниения делал их непригодными в пищу даже для домашнего скота.

Из-за болезней и голода люди покидали Уэлш. Но выбраться удалось не всем. Ночью поднялся настоящий ураган, а утром обнаружили, что переправа разрушена.

Восстановление должно было занять длительное время. Берни помогал расчищать завалы, не забывая ухаживать и за своим наставником. Бернхайм последнюю неделю сильно кашлял и подолгу лежал в кровати.

Молодой врач часто возвращался мыслями к пещере и найденным там монолитам. Рациональный ум не верил в сплетни и суеверные страхи горожан, однако МакМиланн не мог не признать, что все беды начались именно со странной находки.

В дверь постучали. Прибежала торговка миссис Ардю. Ее муж нашел одного из братьев-беглецов в воде среди обломков. Многие врачи покинули городок, так что миссис Ардю попросила откликнуться на помощь мистера Бернхайма. Берни передал ее слова своему наставнику и тот, отмахнувшись от всяческой заботы МакМиланна, поспешил на зов. Берни увязался за ним.

На койке в бессознательном состоянии лежал Джозеф. Его волосы сильно отросли и позеленели. Возле глаз и уголков рта пробивались зеленые наросты. Тело исхудало и издавало мерзостный гниющий запах.

– Что это? – испуганно спросил бургомистр. – Чума? Проказа?

– Нет, – Бернхайм покачал головой, – эти наросты похожи на грибок. Если он чем-то и болен, то я не в силах сказать, чем именно.

Джозеф пришел в себя на вторые сутки.

Сперва он иступлено завопил, а затем стал безостановочно повторять:

– Светящиеся человечки... они идут... они убьют *Его*, ибо *Он* враг им... светящиеся человечки... скоро будут... они убьют *Его*...

Бернхайм выполнил все необходимые процедуры, чтобы понять, что приключилось с Сандерсом. Были сделаны уколы и даны лекарства, что еще оставались. Зеленый грибок не исчез, но заметно посветлел.

– Скорее всего, это последствия долгого пребывания в воде, – заметил Бернхайм спустя несколько дней обследования, – я изучил зараженных крыс и нашел в желудке у каждой шляпку от растения. Она и является возбудителем болезни.

– Могла ли болезнь передаваться здоровым особям каким-то иным способом? – поинтересовался мистер Бергью – бывший врач, а ныне ночной смотритель в больнице.

– Вряд ли, – покачал головой Бернхайм. – Вчера мой помощник заметил одну из крыс и убил ее. При осмотре я не обнаружил ни единого признака заражения. Известно, что крысы стайные животные и контакт с больными особями за столь долгое время в любом случае был.

Джозеф скулил, шептал, кричал, но ничего даже на йоту не приблизило к разгадке.

– Мы их дети... светящиеся человечки выбрали... они идут... шесть столбов, они придут из центра... они убьют *Ego*! Мы их врата... они уже пытались... они высосут, они заберут... они убьют...

Вот и все, что в той или иной интерпретации повторял больной. Иногда он рвался куда-то бежать. «Уничтожить, пока не пришли». Иногда затихал и рыдал.

Постепенно удалось упорядочить бредовые выкрики Джозефа, и Берни сделал следующую запись:

«Постоянно говорит о *Нем*. Рвется защитить от «светящихся человечков». Они уже пробовали убить *Ego*, охотились за *Ним* со времен древности. Два раза пытались и скоро попытаются еще раз. Если у них получится, то всему конец.

Изучив историю болезни Джозефа, не берусь утверждать, что все это следствие врожденного помешательства. Возможно, помнит о какой-то легенде. Разум пытается адаптироваться к реальности. Не удивлюсь, если после кражи монолитов братья разругались и Джозеф убил Питера, а потом, не в силах принять содеянное, бросился в воду. Теперь же, очнувшись, он пытается защитить *Ego* от «человечков», безусловно подразумевая под *Ним* своего брата».

Не то, чтобы Берни не верил в то, что написал, скорее он не мог дать объяснение некоторым фактам. Джозеф говорил о «человечках» еще до обнаружения монолитов. Даже если допустить, что камни каким-то образом оказали воздействие на слабый разум из недр земли, то каким образом младший Сандерс открыл проход? Он словно знал, что нужно делать!

После того, как Берни занялся Джозефом, он почти перестал выходить на улицу. На еде старался экономить, отдавая увеличенную порцию Бернхайму.

Скоро заметили еще одну странность: грибовидные наросты едва заметно колыхались даже при отсутствии ветра. И все как один склонялись в сторону горы. Причем, у подножия растений были гораздо больше и светили они гораздо ярче, нежели в городке. Во время грозы такое странное зеленое сияние вселяло еще большую тревогу.

Не успели жители разгрести завалы, как вновь разыгралась гроза, разметав по кускам все труды за последние две недели. А в ночь на первое ноября резко похолодало, и пошел снег. Довольно быстро вода промерзла, вновь превратив людей в пленников.

Наступившая зима на время скрыла растения под снегом. Мороз заставил грибы скукожиться и усохнуть. Это дало надежду, что скоро все закончится. Говорили, что изредка виденные животные уже не светились, что их шерсть выглядела здоровой, а наросты исчезли. Однако, Берни лично осмотрел найденный трупик замерзшей крысы и отметил, что ее шкурка все также издает слабое свечение.

Что касается Джозефа, то зима повлияла и на него. Он стал более спокойным. Ночью его еще мучили кошмары, но днем разум постепенно возвращался, и Берни добился немалых успехов.

В минуты просветления Сандерс признался, что в ночь похищения монолитов его брат был сам не свой, что он говорил с *Ними*, и *Они* приказали ему спрятать камни и ждать нужного часа. Тогда Питер унес монолиты на Пик Дьявола.

Сандерс упорно стоял на своем и винил в бедах «светящихся человечков». В конце концов, Бернхайм озвучил версию об одновременном помешательстве обоих братьев.

– Где теперь твой брат?

– На вершине. Он ждет. Они скажут ему, когда *Он* будет близко, и тогда они вернуться и завершат охоту. *Он* не должен умереть! Тогда всему конец!

Джозеф скривился и затрясся в беззвучном плаче. Бернхайм покачал головой и вышел, за ним потянулись остальные. Берни замешкался и тут Джозеф вцепился в него.

– Я пытался остановить, – плаксивым голосом произнес сумасшедший, – я ошибался, *Он* мне все рассказал. Я хотел сломать камни, но светящиеся человечки уже забрали Питера. Они

поселились в его голове и заставили скинуть меня вниз. Прошу, вас, помогите мне! Если они придут... всем конец!

Берни с трудом разжал крючковатые пальцы и вколол Джозефу успокоительное.

С приближением весны Сандерс все больше расхотелся. Он стал буйнить, пытался бежать, кричал, взывал о помощи. Пришлось привязать беднягу к кровати.

После беседы с сумасшедшим, Бернхайм высказал опасение, что Питер мог также сойти с ума и его необходимо найти до того, как он причинит кому-то вред. Добровольцы отправились на поиски к вершине, но в тот же день вернулись напуганные и дрожавшие. Со времен открытия пещеры никто не решался подниматься в гору, теперь же она вся заросла грибовидными растениями. Чем ближе подходили к Пику Дьявола, тем выше оказывались растения. Кроме того, на дорогах и деревьях совсем не было снега, а редкие животные напоминали скорее облепленную зеленью кочку, нежели живое существо.

При попытке прорубить проход топорами, растения чудовищно визжали, а когда один из добровольцев развел костер, грибы все как один выплюнули тягучие, похожие на желе, капли. После этого мужчины бросились наутек.

Долгожданная весна пришла с сильным опозданием и только ближе к маю льды, наконец-то, растаяли. Как Берни и опасался, растения ожили, распрямились и потянулись к солнцу. Медленно, но верно Уэлш превращался в зеленое заросшее поле.

Как только переправа вновь заработала, городок покинули самые стойкие. К концу мая почти все дома пустовали.

Последними остались Берни, его наставник и Джозеф. Из-за обострившейся болезни доктор боялся, что переезд сгубит Бернхайма, и решил дождаться хоть какого-то улучшения. Но его не наступило. Ближе к ночи учитель МакМиланна покинул его навсегда.

Больше ничто не держало Берни в Уэлше. Утром должен был прибыть пароход и навсегда увезти молодого врача в Бостон.

Последнюю ночь Берни запомнил на всю жизнь.

Он уже стоял со шприцом, готовый сделать укол, как Джозеф вдруг широко распахнул глаза, дернулся и закричал:

– Они идут! Они идут!

Берни схватил сумасшедшего за руку, но тот резко потянул на себя, а затем отпихнул МакМиланна. Что-то неистовое вселилось в Сандерса. Он разорвал веревки и, пролетев мимо Берни, выскочил на улицу.

Тогда-то и раздался первый гром. Сильный, словно чей-то зов о помощи. Берни бросился следом.

Ветер чуть не сбил с ног. Берни увидел, как впереди по улице бежит Джозеф, и ринулся за ним, держа шприц наготове. Дав в свое время клятву, МакМиланн отвечал за пациента.

Джозеф петлял как заяц, перескакивая через низенькие заборы и едва не поскользываясь на склизких шапках грибов.

Он свернул к горе и исчез в темноте. Берни пришлось притормозить и войти в ближайший дом за фонарем. В спешке жители не заботились о безопасности жилища и оставили двери не запертыми.

Небо осветили молнии. Разум подсказывал вернуться и переждать непогоду, но фонарь ясно освещал следы беглеца на влажной земле. Чувство долга победило сомнения.

Восхождение оказалось довольно долгим. Берни удостоверился, что растения на горе и правда были гораздо выше, чем в городке. Некоторые участки дороги сильно заросли. Если бы следы Джозефа затерялись, Берни мог с чистой совестью вернуться назад, но, как назло, отпечатки виднелись хорошо, словно беглец специально сильно топал, намереваясь вести за собой.

Берни почти поднялся на Пик Дьявола, когда заметил впереди сияние. Ветер стих, остались вспышки и гром. Одна из таких вспышек осветила две фигуры в окружении высоких монолитов.

Странное построение тут же напомнило рисунок на двери в пещере. Шесть камней. От верхнего левого шла линия к нижнему правому. Другая линия тянулась от верхнего правого к нижнему левому. Стоявшие друг напротив друга срединные камни также были связаны. В эпицентре стоял Питер. Его волосы и бороду покрывала зелень, из наростов на лице и шее прорастали тонкие ножки.

– Ты должен остановить их! Прошу! – кричал Джозеф. Молнии освещали его мокрое лицо. – Нельзя, чтобы они пришли! Они убьют *Его*!

Питер смотрел куда-то вверх. Когда Берни поднялся, голова старшего Сандерса чуть повернулась в его сторону. МакМиланн с трудом сдержал крик. Глаза Питера были молочно-белыми.

– Вы слышите? *Он* уже близко, – Питер произнес это с таким одухотворенным наслаждением, что Берни стало не по себе.

– Пожалуйста, – молил Джозеф, – помогите мне! Спасите *Его*!

Вспыхнула очередная молния, и Берни увидел в небе те же очертания, что мерещились ему после обнаружения пещеры. Разум отказывался верить в то, что слова Джозефа могут быть... правдой! Как бы не гнал от себя подобные мысли, как бы не строил теории о странной форме облаков и обмане зрения, Берни не мог отказаться от того, что видел.

С каждой молнией небо принимало очертания гигантского кита. Спина, плавники, огромная пасть. Все это выплывало, словно из другого мира, становясь на мгновение осязаемым. Гром приносил дыхание левиафана, а вновь поднявшийся ветер подгонял облака так, словно кит плыл по воде.

– О, Великий! – Джозеф склонился в низком поклоне.

Очередная молния пронеслась слишком близко. Берни зажмурился и отступил на шаг, а когда открыл глаза, то увидел, что линии на земле засверкали такими же красками, как узор в пещере. Вокруг Питера стал сгущаться воздух, линии пульсировали, словно качали что-то из монолитов. Растущие поблизости растения закачались с неистовой силой, с каждым тактом склоняясь к эпицентру линий.

Из земли возникли снопы искр. Они закружили вокруг Питера. Казалось, что Сандерс стоит в центре огромного пузыря. И тут небо вспыхнуло. Молнии одна за другой били в монолиты, оставляя после себя головокружительный запах озона. Берни закричал, закрыл голову руками и осел на землю. Все закончилось очень быстро. С раскаленных монолитов поднимался пар, а линии окрасили пузырь в миллионы цветов.

– Они тут! Они пришли! – закричал Питер, он хохотал в агонии дикого сумасшествия.

Берни рискнул приподнять голову и онемел. С вершин монолитов ударили яркие лучи. Поразив Питера, они буквально взорвали его, оставив на месте едва заметное белесое облачко. Одна из молний ударила в облачко, и в «пузыре» возникло очертание существа. Оно походило на растения, что оккупировали городок: толстый ствол оканчивался шляпкой, из которой во все стороны вились тонкие усики. Каждое с пульсирующим шариком. Из стебля виднелись отростки с зелеными наростами и острыми когтями. Вершину шляпки венчал зазубренный шип.

– Они пришли... – донесся голос Джозефа, – они охотились за *Ним* со времен появления звезд. Но *Он* нашел способ изгнать их. Чтобы попасть в одно с *Ним* измерение, они создали нас. Они смогли проникнуть в наш мир, когда создали монолиты, и вновь попытались убить *Его*. Но *Он* ускользнул, и теперь, спустя три тысячи лет, они опять вернулись. Теперь гораздо сильнее. Они убьют *Его*. А вместе с *Ним* умрет все живое.

Все это Джозеф выпалил на одном дыхании. Речь его более не казалась похожей на речь дурачка. Он поднялся и с диким криком ринулся к твари. Он ворвался в пузырь, сверкнула молния, и тело младшего Сандерса исчезло, оставив еще одно сверкающее облако.

Страх, сковавший Берни, на миг отступил, и тогда юный врач принял единственное верное для себя решение. Раскачав фонарь, он с силой бросил его в «пузырь», а сам в тот же момент всем телом навалился на монолит. Раздался сильнейший раскат грома, все небо засверкало. Молнии яростно били в вершину, норовя поразить незваного гостя.

В тот миг, когда камень упал и линии перестали сверкать, когда «пузырь» сомкнулся, отрезав кусок от пришельца, Берни наконец-то поразила желаемая темнота небытия.

МакМиланн пришел в себя к утру. Упавшие на землю и разломанные на части колонны, а также взрытая от ударов молний земля – вот и все, что напоминало о ночном приключении. В центре, где соединялись линии, лежала одежда братьев. Оставалось только гадать, куда подевались тела.

Когда доктор спустился в городок, то с удивлением заметил, что почти все растения скукожились и рассыпались на части. Когда прибыл пароход, Берни отправил с ним письмо бургомистру, в котором написал, что беда миновала, и зловредные растения погибли.

Оставалось последнее дело. Берни позаботился, чтобы монолиты более никогда не были собраны воедино. Часть сбросил в воду, часть спустил вниз и скинул в зиявший проем пещеры, часть закопал. Работал до ночи, затем вернулся в городок и без сил упал на кровать.

На следующий день Берни встретился с бургомистром и прибывшими с ним специалистами-учеными. Рассказал про то, как Джозеф сбежал, и как разразилась страшная гроза. Понимая, что ему не поверят, МакМиланн умолчал про неведомых тварей, предположив, что вероятно природа уступила человеку и более не станет ему докучать.

Ученые посмеивались над словами Берни, однако, обследовав Уэлш в поисках растений, так хорошо описанных бургомистром, с разочарованием вынуждены были уехать.

Убедившись, что угрозы больше нет, бургомистр с помощью МакМиланна написал письма, и жители сперва с опасением, а затем со все возрастающей радостью вернулись домой.

После рассказа Берни долго сидел, теребя пальцами пустой бокал. Я не мешал ему, так как мне тоже было над чем подумать. Если бы не профессионализм и уважение к этому безусловно великому человеку, я бы посмеялся над ним. Подобные рассказы больше походили на бред пьяного помешанного. Но Берни... не знаю. Любой здравомыслящий человек отверг бы любую историю, связанную с проявлением иррационального. Я всегда считал себя таковым, опирался на логику и знания.

– Вы не верите мне, – грустно произнес МакМиланн, – и я не виню вас. Три раза я пытался рассказать людям о тварях и два раза слышал в ответ свист и смех. Третьим был ваш отец. Он не смеялся, но укор, что я прочитал в его глазах, заставил меня покраснеть. Это было спустя месяц после того, как ваша матушка...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.